

Само собою разумѣется, указанный порядокъ бейской іерархіи не всегда строго соблюдался. Сомнѣнія икогда не было лишь относительно рода Ширинскихъ. Что же касается остальныхъ бейскихъ родовъ, то сравнительное значеніе каждаго изъ нихъ обуславливалось, помимо указанного порядка, еще разными другими причинами.

Всѣ указанные нами бейскіе роды имѣли одного главу, служившаго представителемъ всего рода и называвшагося въ собственномъ смыслѣ слова *карачи-беємъ*. Это главенство переходило къ старѣйшему члену рода, ибо, возникши на почвѣ родовой пастушеской культуры, бейскія поколѣнія усвоили себѣ и принципъ родового наслѣдованія. Такимъ образомъ, званіе бея переходило не отъ отца къ сыну, а къ старшему въ родѣ. Для доказательства этого мы можемъ сослаться какъ на имѣющіяся при дѣлахъ о дворянствѣ беевъ генеалогическія таблицы, такъ и на относящіеся къ разсматриваемому вопросу ханскіе ярлыки, въ которыхъ заключаются указанія на порядокъ наслѣдованія „карачійства“. Хотя родословныя таблицы беевъ составлены большею частью по преданію, и потому имъ нельзя особенно довѣряться, тѣмъ не менѣе, благодаря указаніямъ ханскихъ ярлыковъ и другихъ документовъ, можно извлечь изъ нихъ любопытныя данныя. Возьмемъ для примѣра „родословное дерево“ беевъ Аргинскихъ. Здѣсь мы имѣемъ сначала перечень беевъ, слѣдовавшихъ за родоначальникомъ Кара-Коджа-беємъ. Затѣмъ мы находимъ *Хаджи-Ягмурчи-бея*, лицо несомнѣнно достовѣрное, ибо Девлетъ-Гирей при вступленіи своемъ на престолъ въ 1551 г. выдаетъ ему, по обычаю, ярлыкъ на аргинское карачійство¹⁾. Ему наслѣдовалъ старшій братъ Джанъ-Мехмедъ, какъ видно изъ ярлыка, выданнаго Мухаммедъ-Гиреемъ въ 1577 г. *Джанъ-Мехмедъ-бею* Аргинскому²⁾, и изъ генеалогической таблицы, а послѣ него аргинское карачійство переходитъ къ племяннику *Кара-бею*, который въ ярлыкѣ Исламъ-Гирея 1585 г. и названъ „сыномъ Хаджи-Ягмурчи“³⁾. Къ сожалѣнію, по неимѣнію другихъ ярлыковъ, мы лишены возможности слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ родословнаго дерева. Поэтому перейдемъ къ разсмотрѣнію генеалогическихъ таблицъ другихъ родовъ.

Въ родословной таблицѣ Яшлавскихъ званіе бея переходитъ отъ одного къ другому въ слѣдующемъ порядкѣ. Преемникомъ Абакъ-бея, названнаго родоначальникомъ Сулешевыхъ, былъ Сулешъ-бей, именемъ котораго Яшлавскіе прозвались Сулешевыми. За Сулешъ-беємъ слѣдовалъ старшій его сынъ Шахъ-бей, за нимъ—второй сынъ Джантемиръ-бей, далѣе—внукъ отъ стар-

¹⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“, ярлыкъ за № 50.

²⁾ Ibid. ярлыкъ за № 51.

³⁾ Ibid. ярлыкъ за № 52.

шого сына—Казы-бей, за нимъ—внукъ отъ втораго сына—Ибрагимъ-бей, кажется, тотъ самый паша двухбунчужный, который 30 сентября 1593 г. далъ шертную запись царю Феодору въ томъ, что Казы-Гирей будетъ наводить на „всякое добро“¹⁾. За нимъ Курамша-бей—внучатый племянникъ, далѣе сынъ Казы-бея Тохтамышъ-бей, за нимъ сынъ Ибрагима Джантемиръ бей, быть можетъ тотъ самый, которому въ 1638 г. ханъ Бегадырь выдалъ ярлыкъ на карачійство, и который 12 ноября 1640 г. далъ на посольскомъ съѣздѣ при р. Ураевѣ шертную запись²⁾; потомъ Мегметина-бей и т. д. Переходя по порядку старѣйшинства, мы доходимъ наконецъ до Акъ-бея, бывшаго главой рода Яшлавскихъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вслѣдъ за которымъ былъ Айвазъ-бей, племянникъ Акъ-бея и сынъ Хадырь-бея, какъ можно судить объ этомъ по семейному списку 1842 г. Яшлавскихъ, хранящемуся при дѣлѣ о дворянствѣ ихъ. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ званіе бея, послѣ смерти Кемаль-бея Яшлавскаго, должно было перейти по установившемуся обычаю къ старшему въ родѣ Велишѣ, но, какъ видно, время успѣло наложить свою руку на древній обычай, вслѣдствіе чего притязаніе на то же званіе заявилъ сынъ умершаго бея Мустафа. Въ концѣ 1869 г. онъ формально началъ объ этомъ дѣло, которое до сихъ поръ не можетъ считаться еще законченнымъ.

Въ родословной таблицѣ Мансурскихъ также отмѣчены лица, носившія титулъ бея. Въ самомъ началѣ помѣщенъ Эдиге-бей, за нимъ—Мансуръ-бей, Темиръ-бей и Давій-бей. Послѣ Давій-бея генеалогическое дерево развѣтвляется на три отдѣльныя вѣтви, при чемъ старшій членъ каждой такой вѣтви носитъ титулъ бея. Такъ за Давій-беемъ слѣдуетъ Арсланъ-бей, потомъ слѣдуетъ братъ Арслана—Есене-бей, далѣе другой братъ—Касымъ-бей, потомъ сынъ Арсланъ-бея—Сулумъ-бей, далѣе сынъ Есене-бея—Арсланша-бей³⁾ и т. д. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь тотъ-же порядокъ наслѣдованія къ старшему въ родѣ.

Другимъ доказательствомъ существованія у беевъ родового наслѣдованія могутъ служить ханскіе ярлыки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержатся прямые указанія на подобный порядокъ наслѣдованія. Въ 1756 Халимъ-Гирей ханъ выдаетъ ярлыкъ *«первенствующему въ родѣ Шпринскихъ и княжествъ Темуршѣ мурзѣ (бею?) на полученіе ежегодной пенсіи»*. Въ 1782 г. послѣдній крымскій ханъ Шагинъ-Гирей объявляетъ Меметшу Шпринскаго, *«какъ старѣйшаго*

¹⁾ Мои „Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ“ (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., № 9, 43 стр.).

²⁾ Ibid. № 11, 5 стр.

³⁾ Дѣло № 79 о дворянствѣ Мансурскаго (Архивъ Тавр. Дворян. Собр.).

въ родъ *Шириновъ*», владѣтельнымъ беемъ. При этомъ изъ ярлыка видно, что этотъ Меметша при жизни своего предшественника Муса-бея «занималъ вторую степень» послѣ него, слѣдовательно былъ калгой, т. е. наслѣдникомъ въ родѣ Ширинскихъ¹⁾. Въ ярлыкѣ 1773 г., принадлежащемъ Яшлавскимъ, мы читаемъ: «а какъ нынѣ по смерти эмира Али-бея Яшлавскаго, *старшій въ родѣ* беевъ Яшлавскихъ есть служащій начальникомъ Кыркъ-Кирской (Чуфуть-Кальской) Кутлуша-бей Яшлавскій, а потому повелѣваемъ назначить его Кутлуша-бея эмиромъ на мѣсто умершаго Али-бея»²⁾.

Наконецъ мы имѣемъ случай судебного рѣшенія, признающаго переходъ бейскаго званія къ старшему въ родѣ. Это рѣшеніе состоялось въ 1823 г., сначала въ Евпаторійскомъ Уѣздномъ Судѣ, а потомъ въ Таврической Палатѣ Гражданскаго и Уголовнаго Суда по дѣлу о незаконной отдачѣ въ залогъ Абдиши-беемъ Мансурскимъ 15 т. десятинъ земли въ Евпаторійскомъ уѣздѣ при д. Бакаль, составлявшихъ «бейликъ». По заключенію Суда и Палаты, Абдиша-бей Мансурскій, «*по праву старшаго въ родѣ*», могъ только пользоваться бейликомъ, но не отдавать его въ залогъ, такъ какъ бейликъ принадлежитъ цѣлому роду и «*переходитъ къ старшему въ родѣ*»³⁾.

Вотъ приблизительно тѣ свѣдѣнія, какія необходимо было намъ сообщить по поводу второй причины, оказавшей вліяніе на укладъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ эта причина заключается въ силѣ и значеніи бейскихъ родовъ. Возникши на почвѣ пастушеско-родовой культуры и достигнувъ въ періодъ существованія Крымскаго улуса извѣстнаго политическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ территоріальнаго значенія, бейскіе роды пріобрѣли въ ханствѣ особенную власть и образовали крупную политическую единицу. Эта единица сама по себѣ должна была произвести извѣстныя измѣненія въ сферѣ экономическихъ отношеній ханства вообще и, въ частности, въ области землевладѣнія. Оказалось, что всѣ эти измѣненія въ результатѣ привели къ дальнѣйшему развитію и окончательной выработкѣ той землевладѣльческой формы, которая извѣстна подъ именемъ *бейлика* и начало которой мы видѣли въ Крымскомъ улусѣ. И дѣйствительно, бей помимо своего политическаго значенія въ ханствѣ сдѣлались владѣтелями тѣхъ мѣстностей, которыя нѣкогда, при заселеніи Крымскаго улуса, были заняты родоначальниками бейскихъ фамилій и которыя опредѣлили тогда же размѣръ выработавшихся впослѣдствіи бейликовъ.

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ ярлыкъ за № 48.

²⁾ Крымско-татарское землевладѣніе, Блюменфельда, 24 стр.

³⁾ „Описаніе дѣлъ Таврическаго Историческаго Архива“ (Извѣстія Тавр. Уч. Архивн. Комм.; № 10, 129 стр.).

Третьей причиной, породившей соответствующую землевладельческую форму въ Крымскомъ ханствѣ, было утверждение суверенитета Оттоманской Порты. Извѣстно, что Магометъ II, овладѣвъ въ 1475 г. Каффою, изгналъ оттуда генуэзцевъ и взялъ въ плѣнъ крымскаго хана Менгли-Гирея, а спустя три года возвратилъ ему престолъ на условіяхъ зависимости отъ Порты¹⁾. Эта зависимость состояла, во 1-хъ, въ томъ, что ханы вступали на престолъ не иначе, какъ съ согласія султана, который или самъ опредѣлялъ кого-либо изъ фамиліи Гиреевъ или утверждалъ избраннаго въ Крыму изъ той же фамиліи кандидата на ханскій престолъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ вступавшему на престолъ хану посылалось султанское благословеніе и инвеститурныя регаліи. Во 2-хъ, ханъ обязанъ былъ, по требованію султана, выходить на войну и сражаться съ своимъ войскомъ въ рядахъ султанской арміи. Этимъ правомъ Porta въ широкыхъ размѣрахъ пользовалась и поставила Крымское ханство въ совершенно служебное отношеніе, отразившееся впоследствии вредными для ханства послѣдствіями²⁾. Въ 3-хъ, верховное халифство, каковымъ пользуется турецкій султанъ, въ качествѣ главы мусульманскаго міра, распространилось и на Крымъ. По этой причинѣ въ Крымскихъ мечетяхъ каждую пятницу совершалась хутба о султанѣ, какъ верховномъ халифѣ. И это религіозное подчиненіе Крыма было не только внѣшнее,—оно имѣло и внутреннее значеніе, такъ какъ обозначало собою то духовное вліяніе, которое имѣла Турція на единовѣрный Крымъ. Наконецъ, въ 4-хъ, самымъ главнымъ послѣдствіемъ утвержденія господства Порты было завладѣніе турками всего южнаго берега и той части горной мѣстности Крыма, которая извѣстно была подъ именемъ Готія. По этой причинѣ весь южный берегъ и прежнія Готія стали *dominium*’омъ султана, или, выражаясь словами шеріата,—*ерзъ-миріе*. Такимъ образомъ, если въ политическомъ отношеніи утвержденіе турокъ въ южной прибрежной части Крыма, укрѣпленіе здѣсь ими Керчи и Еникале, содержаніе въ этихъ крѣпостяхъ своихъ гарнизоновъ имѣло цѣлью поддержаніе престижа Порты, то, въ землевладельческомъ отношеніи, оно привело къ образованію особаго рода поземельнаго владѣнія, которое мы назовемъ *ерзъ-миріе султаніе* въ отличіе отъ *ерзъ-миріе*, составлявшаго собственно ханскій доменъ. Въ чемъ состоялъ этотъ родъ поземельнаго владѣнія и каково было его дѣйствительное положеніе, мы увидимъ въ свое время. Теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію остальныхъ факторовъ, опредѣлившихъ содержаніе другихъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія, съ значеніемъ которыхъ въ періодъ существованія Крымскаго улуса мы ус-

¹⁾ Исторія Херсонеса Таврійскаго, Богуша-Сестренцевича, II, 254—258 стр.

²⁾ Крымское ханство, Смирнова, II т., 5 стр.

пѣли уже ознакомиться.

Самымъ главнымъ изъ такихъ факторовъ, имѣющимъ при этомъ связь съ только что указаннымъ выше, было окончательное *утвержденіе шеріата*, какъ кодекса, регулирующаго религіозную и гражданскую жизнь мусульманскаго общества. Мы видѣли выше, что этотъ кодексъ началъ утверждаться еще въ эпоху, предшествовавшую образованію Крымскаго ханства, и что подъ его воздѣйствіемъ начали укладываться въ Крымскомъ улусѣ соответствующія формы гражданского устройства вообще, и въ частности землевладѣльческаго. Но только благодаря вліянію суверенной Турціи, въ Крымскомъ ханствѣ окончательно утвердилось то ученіе, которое заключается въ Мультекъ, Гидаетъ, Кудури и др. сводахъ, и которое содержитъ въ себѣ канонъ жизни правовѣрныхъ. И мы видимъ, что шеріатъ перешелъ въ Крымъ въ тѣхъ самыхъ узаконеніяхъ, какія были въ употребленіи у Турціи, не говоря уже о томъ, что дополнялся онъ въ нужныхъ случаяхъ фетвами, издававшимися въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, не смотря на то, что шеріатъ началъ утверждаться еще въ Крымскомъ улусѣ и обозначать собою новый порядокъ вещей, однако окончательно установился онъ только подъ вліяніемъ суверенной Турціи. Выѣстъ съ этимъ выработались и тѣ формы землевладѣнія, которыя возникли подъ вліяніемъ ученія шеріата и которыя теперь только получили полное выраженіе и опредѣленность. Слѣдовательно, благодаря утвержденію шеріата, въ Крымскомъ ханствѣ установились слѣдующія формы поземельной собственности, о которыхъ было сказано выше, при изложеніи теоріи мусульманскаго ученія о правѣ поземельной собственности: 1) *мюлькъ*, составлявшій полную собственность частныхъ лицъ и заключавшій въ себѣ десятиныя и подлежащія налогу земли, 2) *миріе*, ханскій домень, 3) *мевкуфе*—посвященныя, 4) *метруке*—предназначенныя ко всеобщему пользованію и 5) *меватъ*—пустопорожнія. Изъ нихъ *мюлькъ*, *мевкуфе* и *меватъ* появились исключительно подъ воздѣйствіемъ шеріатскаго ученія о правѣ собственности и составляютъ характерныя его формы. Остальныя формы хотя и вытекаютъ изъ того же ученія, однако носятъ на себѣ вліяніе еще другихъ причинъ, породившихъ тѣ или другія формы крымско-татарскаго землевладѣнія. Такой напр. причиной, образовавшей поземельную форму—*миріе*,—было установленіе въ Крыму центральной власти въ лицѣ хана, которое само по себѣ приводило къ учрежденію государственнаго домена. Что же касается земель, извѣстныхъ подъ именемъ *метруке*, то такой родъ земель существовалъ также независимо отъ воздѣйствія шеріата, въ силу естественныхъ условий, благодаря послѣднему изъ числа интересующихъ насъ факторовъ развитія крымско-татарскаго землевладѣнія въ Крымскомъ ханствѣ.

Этотъ факторъ заключается въ *продолжающемся вліяніи патріархаль-*

наго строя на общественную организацію Крымскаго ханства. Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ измѣненія, которымъ подвергся бытъ татаръ въ періодъ существованія ханства, тѣмъ не менѣе жизнь ихъ сохранила нѣкоторыя арханческія черты. Самой главной чертой является удержаніе того начала, на которомъ основывалась прежняя пастушеско-родовая группа и которое, какъ мы видѣли выше, состояло во взаимодействіи интересовъ всѣхъ членовъ группы, составлявшей одну общину. Этотъ принципъ общинности перешелъ и на новую, развившуюся изъ прежней пастушеско-родовой, группу. Поэтому если появившаяся въ Крымскомъ улусѣ сельская группа устроилась по указанному началу, то въ Крымскомъ ханствѣ эта сельская община еще болѣе развилась, теперь окончательно утвердилось и приняла опредѣленный образъ, въ качествѣ самостоятельной общественно-экономической единицы, подъ именемъ *джемаата*. Такимъ образомъ продолжающееся влияние патріархальнаго строя татаръ и значеніе принципа общинности привели къ образованію особой поземельной формы, извѣстной подъ именемъ владѣнія джемаата.

Второй арханческой чертой былъ тотъ *порядокъ родового наслѣдованія*, который составляетъ характерную особенность бейлика. Въ то же время этотъ порядокъ опредѣлялъ содержаніе и другой поземельной формы. Правда, послѣдняя возникла на почвѣ шеріатскаго ученія объ иммобилизаціи поземельной собственности, однако она выразилась въ томъ видѣ, какой указывался ей порядкомъ родового наслѣдованія. Это былъ т. н. „*эбнай-вакуфъ*“, т. е. имущество, посвященное въ пользу *старшаго* потомка мужскаго рода, или *біюктень-біюкъ*.

Вообще необходимо замѣтить, что обычное право или *торэ* продолжало съ своей стороны оказывать влияние на общій строй ханства. Въ качествѣ *адета* оно служило подспорьемъ *шеріату* въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній не давалъ нужныхъ указаній. Особенно въ большихъ размѣрахъ пользовался *торэ* Мюрадь-Гирей¹⁾. Судя по извѣстію турецкихъ историковъ, онъ ограничилъ даже дѣйствіе шеріата. Послѣ смерти Мюрадь Гирея *торэ* потеряло прежнее значеніе, но все-таки оно продолжало существовать, такъ какъ коренилось въ глубинѣ народной жизни; въ области же землевладѣнія породило тѣ формы поземельной собственности, которыя сдѣлались извѣстными подъ именемъ *вакуфъ-адета*.

Окончивъ изложеніе свѣдѣній о причинахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ устроилось въ Крымскомъ ханствѣ землевладѣніе, попытаемся теперь

¹⁾ Крымское ханство, Смирнова, I-й т., 597 стр.

объединить указанные нами свѣдѣнія. Причинами, опредѣлившими ходъ и развитіе формъ поземельной собственности въ ханствѣ, были слѣдующія обстоятельства.

Во 1-хъ, утвержденіе центральной власти, опиравшейся на ученіи объ имаметѣ и на преемствѣ во власти Чингизъ-хана, привело къ образованію *ханскаго* землевладѣнія, или *ерзъ-миріе*. Путемъ же пожалованій, порожденныхъ этой властью, развилась помѣстная система, или *ерзъ-мемлекетъ*.

Во 2-хъ, значеніе бейскихъ родовъ въ государственномъ механизмѣ ханства, ихъ политическая роль въ общей системѣ управленія, особенно усилившаяся въ правленіе Гиреевъ, были причиною того, что территория, которою бей владѣлъ раньше, въ качествѣ родоначальника, въ періодъ существованія ханства превратилась мало-по-малу въ особый *удѣлъ* или *бейликъ*, которымъ каждый изъ представителей (карачи-беевъ) бейскихъ поколѣній: Шириновъ, Барыновъ, Мансуровъ, Сиджіутовъ, Аргиновъ и Яшлавовъ, владѣлъ на правахъ державца.

Во 3-хъ, утвержденіе верховенства Турціи породило въ ханствѣ новую землевладѣльческую форму—султанскій домень, распространившійся на весь южный берегъ и горную мѣстность, бывшую Готію. Пользуясь номенклатурой мусульманскаго права, мы называли этотъ домень—*ерзъ-миріе султаніе*.

Во 4-хъ, находившееся въ связи съ подчиненіемъ Крыма Турціи, окончательное установленіе въ ханствѣ шеріата, какъ канона, регулирующаго религіозную и гражданскую жизнь мусульманъ, привело къ утвержденію тѣхъ поземельныхъ формъ, которыя образуются вообще подъ воздѣйствіемъ мусульманскаго ученія о правѣ собственности. При этомъ однѣ изъ нихъ, какъ—*ерзъ миріе* (земли коронныя) и *ерзъ метруке* (предназначенныя ко всеобщему пользованію), существовали независимо отъ вліянія шеріата и носили лишь названія, заимствованныя изъ него; остальные же составляли непосредственный продуктъ мусульманскаго ученія о правѣ собственности. Эти послѣднія суть: во 1-хъ, *мюлькъ*, какъ частная поземельная собственность, подлежащая десятинному налогу и потому называемая иначе—*ерзъ-аширъ* или *десятинная земля*; во 2-хъ, *мевкуфе*, земли, посвященныя въ пользу мечетей, текіевъ (монастырей), мектебе (училищъ), медресе (семинарій), иначе говоря вакуфы религіозныя, называемые такъ въ отличіе отъ *обычныхъ*, и, въ 3-хъ, *меватъ*—земли пустопорожныя, становящіяся собственностью того, кто ихъ обрабатываетъ, при чемъ для укрѣпленія правъ собственности требуется *иктаа* государя.

И, въ 5-хъ, значеніе принципа общинности, получившаго, вслѣдствіе развитія въ Крыму земледѣльческаго строя, большое примѣненіе въ экономической сферѣ, собственно говоря, въ области землевладѣнія, послужило

причиною образованія *сельской общины*, въ качествѣ самостоятельной общественно-экономической единицы подъ именемъ *джемаата*. Спла же родового наслѣдованія оказала вліяніе какъ на укладъ знакомаго уже намъ бейлика, такъ и въ особенности—*обычнаго вакуфа* (вакфъ-адеть), подъ названіемъ біюктень-біюкъ. Вообще, какъ вакфъ-адеть, такъ равно джемаатъ и бейликъ — должны съ общей точки зрѣнія быть разсматриваемы какъ слѣдствіе *обычнаго* права (адета) татаръ.

Само собою разумѣется, что та или другая изъ указанныхъ нами поземельныхъ формъ является слѣдствіемъ не одной исключительно какой-либо причины. Какъ и всякое другое общественное явленіе, такъ равно и происхожденіе той или другой поземельной формы носятъ на себѣ вліяніе нѣсколькихъ причинъ, при чемъ одна изъ нихъ является главнѣйшей, и потому только она выдѣляется изъ ряда другихъ какъ главная. Наконецъ, такіа формы, какъ бейликъ, джемаатъ, вакфъ-адеть, нами даже отмѣчены какъ результаты дѣйствія не одной причины, а нѣсколькихъ вмѣстѣ.

Указавъ вкратцѣ исторію крымско-татарскаго землевладѣнія въ періодъ, предшествовавшій присоединенію Крыма къ Россіи, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію дѣйствительнаго положенія, въ какомъ находилась каждая изъ показанныхъ нами поземельныхъ формъ въ періодъ существованія Крымскаго ханства, и опредѣлимъ подробнѣе содержаніе и значеніе каждой изъ нихъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Порядокъ изученія дѣйствительнаго положенія поземельныхъ формъ въ Крымскомъ ханствѣ. *Ханское землевладѣніе*: соляныя озера и деревни при нихъ, лѣса по теченію р.р. Альмы, Качи и Салгира; пустопорожнія земли; ханскія деревни и угодія. Сущность владѣнія и хозяйственное положеніе ханскаго домена; поселенская собственность въ его предѣлахъ.

Переходя къ разсмотрѣнію дѣйствительнаго положенія каждой изъ разсмотрѣнныхъ выше формъ крымско-татарскаго землевладѣнія, начнемъ свои указанія тѣмъ формамъ, въ которыхъ проявилось болѣе государственное начало права собственности, а потомъ перейдемъ къ тѣмъ, въ которыхъ это начало замѣняется частнымъ. Первой подлежащей нашему изученію формой является *ханское землевладѣніе*. Подъ этимъ именемъ подразумѣваются тѣ земли, которыя по шериату называются *ерзъ миріе*, или коронныя земли. Такими были, во 1-хъ, соляныя озера, во 2-хъ, лѣса по теченію р.р. Альмы, Качи и Салгира и, въ 3-хъ, пустопорожнія (мевать) земли. Что соляныя озера составляли принадлежность короны, видно какъ изъ свидѣтельствъ современниковъ¹⁾, такъ равно изъ ханскихъ ярлыковъ на пожалованіе мурзъ доходами съ соляныхъ озеръ. Такихъ ярлыковъ много сохранилось въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія при дѣлахъ о дворянствѣ мурзъ. Мы не помѣстили ихъ въ своемъ „Сборникѣ документовъ“ потому, что они не имѣютъ прямого отношенія къ предмету нашего изслѣдованія. Для примѣра же укажемъ на ярлыкъ, выданный ханами Гази-Гиреемъ I, Бегадыр-Гиреемъ и Капланъ-Гиреемъ предкамъ Сентъ-Ибранма Челеби на полученіе имъ пенсін въ размѣрѣ 5000 акча изъ доходовъ съ *хан-*

¹⁾ „Статейный списокъ стольника Тяпкина и дьяка Зотова“. (Зап. Од. общ. ист. и древн., II т., 578 стр.).

скихъ соляныхъ озеръ¹⁾), ярлыкъ, выданный въ 1654 году Мухаммедъ-Гиреемъ IV Мегметъ Улану на полученіе имъ 6000 акча изъ доходовъ съ тѣхъ же *ханскихъ* соляныхъ озеръ²⁾), ярлыкъ, выданный въ 1658 году Мухаммедъ-Гиреемъ IV Арсланъ-бею Хункалову на полученіе имъ ежедневной пенсіи въ размѣрѣ 20 акча изъ доходовъ съ тѣхъ же *ханскихъ* озеръ³⁾ и т. д. Кромѣ того, въ спискѣ доходовъ, собиравшихся въ правленіе послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, первое мѣсто занимаютъ доходы съ соляныхъ озеръ⁴⁾. Наконецъ, депутаты отъ татаръ-поселянъ въ извѣстной Коммисіи 1802 г. для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму заявили, что вывочка соли изъ ханскихъ озеръ составляла въ періодъ существованія ханства общую повинность, отъ которой ханы освобождали только по особому ярлыку. И дѣйствительно, изъ помѣщаемыхъ ниже ярлыковъ, данныхъ обществу Кулыке-Хаджія и Кучинскому обществу видно, что ханы освобождали тѣхъ или другихъ жителей отъ вывочки соли изъ принадлежащихъ казнѣ озеръ по особому ярлыку⁵⁾. Приведенныя нами данныя ставятъ внѣ сомнѣнія фактъ принадлежности крымскихъ соляныхъ озеръ ханской казнѣ. Исключеніе составляли впрочемъ озера въ нынѣшнемъ Феодосійскомъ уѣздѣ, составлявшія владѣніе беевъ Ширинскихъ; это были—Якъ-Ташъ, Кончекъ, Шейхъ-эли и на Арабатской стрѣлкѣ Тузь-Тубень⁶⁾.

Вмѣстѣ съ соляными озерами ханскій доменъ составляли и тѣ селенія, которыя находились на земляхъ, прилегающихъ къ тому или другому озеру. Изъ числа такихъ селеній намъ извѣстны: Тузлакъ (Тузла?), на берегу озера въ 10 в. отъ Перекопа, въ которомъ ночевали ѣздившіе въ Крымъ въ 1680 г. посланники Тяпкинъ и Зотовъ и который они прямо называютъ „ханской деревней“⁷⁾), Саки—въблизи Сакскаго озера, Керлеутъ около Керлеутскаго озера. Положеніе жителей этихъ селеній во многомъ напоминало нашихъ дворцовыхъ крестьянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что татары были лично

¹⁾ Дѣло о дворянствѣ Сентъ-Ибраима Челеби, 1820 г. (Архив. Тавр. Двор. Собр.).

²⁾ Дѣло о дворянствѣ Менглиши мурзы Уланова, 1804 г. (тамъ-же).

³⁾ Дѣло о дворянствѣ Ахмета Уланова, 1820 г. (тамъ-же).

⁴⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“ (Извѣстія Тавр. Уч. Архивн. Комм., № 2, 27 стр.).

⁵⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“, ярлыки подъ №№ 13, 14, 16 и 17.

⁶⁾ Дѣло о дворянствѣ рода Ширинскихъ. (Архивъ Тавр. Двор. Собр.).

⁷⁾ „Статейный списокъ стольника Тяпкина и дьяка Зотова“. (Зап. Од. общ. ист. и древн., II т., 578 стр.).

свободны и, въ силу основного закона своей вѣры, не могли принадлежать въ чью-либо собственность.

Что касается лѣса, то, имѣя въ виду ученіе шеріата о свободномъ отношеніи человѣка къ произведеніямъ земли, существующимъ безъ помощи человѣческаго труда, въ томъ числѣ и къ лѣсу, мы полагаемъ, что онъ не могъ составлять чьей-либо исключительной собственности кромѣ верховной власти, которой, какъ мы видѣли выше, вообще принадлежало право верховнаго обладанія. Съ этой точки зрѣнія лѣса по р.р. Альмѣ, Качѣ, Салгиру составляли, выражаясь словами шеріата, *миріе*, или ханскій домень. Въ этихъ лѣсахъ, въ особенности находящихся по теченію рѣкъ Альмы и Качи, ханы подолгу располагались шатрами и проводили время въ охотѣ. Такъ по теченію р. Альмы находилось мѣстопребываніе Сахибъ-Гирея и Девлетъ-Гирея—Алма-Сарай, гдѣ ими конфирмованы нѣкоторые изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи ярлыковъ¹⁾. Здѣсь же было и другое мѣстопребываніе хановъ Московскій гонецъ Айтемирѣвъ, посланный въ Крымъ въ 1692 г., говоритъ о мѣстопребываніи хана слѣдующее: „ханъ и калга, выѣхавъ изъ Бахчисарая, жили по рѣкамъ на Качѣ, на Кабардѣ и въ нѣкихъ мѣстахъ въ ханскихъ сараяхъ“²⁾. Кромѣ того деревни: Улаклы, Базарчикъ и Ханъ-Эли, изъ которыхъ первыя двѣ и нынѣ существуютъ подъ тѣми же названіями въ Мангушской волости Симферопольскаго уѣзда, служили также мѣстопребываніемъ Гиреевъ и находились по близости съ ханскими лѣсами. Тотъ же Айтемирѣвъ сообщаетъ въ своемъ статейномъ спискѣ, что Шагпнъ-Гирей, сынъ бывшаго при Мурадъ-Гирей ханъ калги Тохтамышъ Гирея, живетъ въ селѣ Янгурчю. Это очевидно измѣненное названіе деревни Ягмурчи, существующей и нынѣ въ Мангушской волости Симферопольскаго уѣзда.

Наконецъ пустопорожнія земли, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ Крыма, составляли ханскій домень какъ въ силу ученія шеріата о пустопорожнихъ мѣстахъ, такъ и въ силу прерогативъ ханской власти. Существованіе такихъ земель и давало возможность хану фактически осуществлять принадлежащее ему право верховнаго обладанія, или, выражаясь языкомъ шеріата, право—*иктаа темликъ* (право уступки въ полную собственность) или *иктаа истиглоль* (во временное пользованіе). Но кромѣ раздачи земель по иктаа, ханъ могъ конечно и самъ заняться обработкой той или другой

¹⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“, ярлыки подъ №№ 3, 4.

²⁾ Статейный списокъ Московскаго гонца Айтемирѣва. (Рукопись, принадлежащая профессору А. И. Маркевичу).

впустѣ лежащей земли и этимъ увеличивать владѣніе фиска.

Что касается другихъ земельныхъ угодій: населенныхъ мѣстъ съ пашнями, лугами, садами, которыя принадлежали хану и называются въ нашихъ документахъ „ханскими“, то трудно съ точностью указать, какія изъ нихъ составляли государственную собственность и какія частную, принадлежащую лично хану. Смѣшеніе двухъ началъ государственнаго и частнаго права, проникающаго весь строй крымскаго ханства, даетъ себя знать и въ области землевладѣнія. Съ одной стороны можно полагать, что „ханскія пашни“ при дер. Чегерчи, о которыхъ говорится въ ярлыкѣ Гази-Гирея II 1587 г., выданномъ нѣкоему Рамазанъ-бею¹⁾, или „ханлыкъ“ (ханскій лугъ) при дер. Черкеслеръ, упоминаемый въ числѣ урочищъ въ судебномъ рѣшеніи состоявшемся въ 1703/4 г. по дѣлу объ эбнай вакуфѣ Ислямъ бей²⁾, составляли личную собственность хана, который, какъ и каждый смертный, могъ имѣть свою собственность. Съ другой стороны, упоминаемые въ камеральномъ описаніи Крыма 1789 года и взятые тогда же въ казну ханскіе луга при д. Камышлы, Байтанишъ и Сарабузъ, при д. Мурзакой въ урочищѣ Каратобей, луга по р. Булганаку³⁾ могли составлять государственную собственность — *ерзъ миріе*. Такою же собственностью могли быть и цѣлыя деревни. По крайней мѣрѣ изъ ярлыка, выданнаго въ 1746 году Селимъ-Гиреемъ II Мухаммедъ-агѣ, видно, что при д. Шули находилось ханское владѣніе⁴⁾, а изъ ярлыка Хаджи-Селимъ-Гирея 1704 г. и Гази-Гирея 1705 г., объявленнаго кадіаскеру Сеитъ Абдурахману, видно, что дер. Улакъ-Бердынский Кипчакъ принадлежала хану, а не Ширинскимъ бейамъ, объявившимъ право на нее⁵⁾. Въ ярлыкѣ спорная деревня прямо названа „ханъ-эли“, что означаетъ буквально „ханскій народъ“. Отсюда мы заключаемъ, что и другія деревни, сохранившія до послѣдняго времени названіе „ханъ-эли“, „ханлы“, „ханлыкъ“, составляли нѣкогда принадлежность фиска. Таковы, можно думать, деревни, упоминаемыя въ описаніи Крыма, составленномъ въ 1784 г.: *Ханг-эли* Бахчисарайскаго кадылыка (округа) и того же каймаканства (уѣзда), *Ханлы* Каракуртскаго кадылыка Бахчисарайскаго каймаканства, *Ханъ-эли* Даирскаго кадылыка Акмечетскаго каймаканства и *Ханлыкъ* въ Кучукъ-Карасовскомъ кадылыкѣ

1) Въ „Сборникѣ документовъ“ ярлыкъ подъ № 6.

2) Въ „Сборникѣ документовъ“ судебное рѣшеніе подъ № 112.

3) „Камеральное описаніе землямъ и садамъ поступившимъ въ казну“ сост. въ 1787 г. Абдулъ Хамитъ агой и Караценовымъ.

4) Въ „Сборникѣ документовъ“ ярлыкъ подъ № 10.

5) Ibid. ярлыкъ подъ № 41.

Карасубазарскаго каймаканства¹⁾.

Не смотря на смѣшеніе въ ханствѣ двухъ началъ вотчиннаго права и образованіе вслѣдствіе этого поземельной собственности, принадлежащей хану на правахъ частнаго владѣнія (мюлькъ), мы не имѣемъ однако указаній на существованіе болѣе или менѣе крупныхъ поземельныхъ владѣній, составлявшихъ личную собственность хана. Въ находящихся въ нашемъ распоряженіи раздѣльныхъ актахъ, въ числѣ имущества, принадлежавшаго ханамъ и подлежащаго наслѣдованію послѣ ихъ смерти, мы не находимъ большихъ поземельныхъ владѣній. Въ числѣ недвижимаго имущества наслѣдованію подлежатъ большею частью дома, лавки, заѣзжіе дома, мельницы и т. д., а изъ числа поземельныхъ владѣній только нѣкоторыя угодія, какъ то: сады, чапы (лѣсные покосы) и огороженные мѣста. Такъ напр. въ раздѣльномъ актѣ (муха алефатъ), составленномъ въ послѣднихъ числахъ шабана 1116 г. (1704 г.), имущество извѣстнаго Хаджи Селимъ-Гирея хана распределено между наслѣдниками его: 1-е. Девлетъ-Гиреемъ ханомъ и Сеадетъ-Гиреемъ, Гази-Гиреемъ, Капланъ-Гиреемъ, Менгли-Гиреемъ, Максудъ-Гиреемъ, Сафа-Гиреемъ, Сахибъ-Гиреемъ, Адиль-Гиреемъ и Селяметъ-Гирей султанами и 2-е, совершеннолѣтними: Фатиме султанъ-хани, Сухянъ султанъ-хани, Хатидже султанъ-хани, Кая султанъ-хани, Раафія султанъ-хани и 3-е, несовершеннолѣтними: Абди султанъ-хани и Бееминъ султанъ-хани, но въ числѣ наслѣдуемаго имущества не имѣется поземельныхъ владѣній и указываются лишь небольшія угодія и земли, и то не въ Крыму, а въ Румелии. Тоже самое мы видимъ, и въ другихъ раздѣльныхъ актахъ, принадлежащихъ членамъ Гирейской фамиліи. Конечно, ничто не могло препятствовать ханамъ приобрѣтать путемъ купли, дара и т. п. поземельную собственность, и, само собою разумѣется, въ такихъ случаяхъ ханы становились полными хозяевами своего имущества. Но мы не имѣемъ основанія утверждать, что ханы владѣли на правахъ полной собственности тѣми землями, которыя были извѣстны въ ханствѣ какъ *ерзъ миріе*.

Въ заключеніе необходимо сказать, что въ предѣлахъ ханскаго домена, именно тамъ, гдѣ находились пустопорожнія (мевать) земли, могла возникнуть, въ силу шеріатскаго ученія „объ оживленіи мертвой природы“, поселянская земельная собственность (мюлькъ), которая подлежала обыкновенному налогу, въ видѣ десятой части произведеній, и потому называлась иначе десятинной землей (ерзъ ашръ). Эта собственность заключалась въ опредѣленныхъ, большею частью огороженныхъ участкахъ прежде „пусто-

¹⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“ (Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Комм. № 6, 40, 42, 46 и 52 стр.).

порожней“, „мертвой“ земли; будучи же отнынѣ „призвана къ жизни“ и обрабатываема, она согласно шеріату становилась собственностью того, кто обрабатывалъ ее. Само собою разумѣется, эти участки не могли занимать большого пространства, разъ они воздѣлывались единичными силами. Они были небольшого размѣра и потому въ большинствѣ случаевъ огораживались плетнемъ или камнемъ. Поэтому поселянскія загорожи производили лишь чрезполосицу въ предѣлахъ ханскаго домена, но не лишали его присущаго ему характера коронной земли.

II.

Калгалыкъ—удѣлъ наследника ханскаго престола или калги. Мѣстоположеніе его; сущность владѣнія; хозяйственное его положеніе; поселянская собственность въ предѣлахъ калгалыка.

Кромѣ хана и наследникъ престола (калга) имѣлъ свой удѣлъ, который назывался *калгалыкомъ*. Имѣя свой особый дворъ (въ Акмечети), свою администрацію, калга имѣлъ и свой удѣлъ, особый отъ ханскаго домена. Мы думаемъ, что калгалыкъ образовался изъ коронныхъ земель, простиравшихся по теченію рѣки Алымы вверхъ до горы Чатырдага, а также по сѣверному подножію Чатырдага. Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи документамъ, калгалыкъ занималъ въ означенныхъ предѣлахъ мѣстность, гдѣ находились и нынѣ находятся деревни: Біюкъ-Янкой, Кучукъ-Янкой, Тавель и Аянъ. Это мнѣніе было впервые высказано въ 1800 г. Акмечетскимъ уѣзднымъ судомъ по дѣлу татаръ-поселянъ этихъ деревень съ д. т. с. Поповымъ и повторено позже въ 1808 г. Высочайше учрежденной комиссіей для разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Крыму. Какъ судъ, такъ и комиссія признали земли при упомянутыхъ деревняхъ „дворцовыми“¹⁾.

Изъ документовъ же, представленныхъ тогда татарами въ доказательство своихъ правъ и хранящихся при дѣлѣ въ переводѣ на русскій языкъ, видно, что вышеозначенныя деревни не только въ поземельномъ, но и въ судебномъ отношеніи составляли калгалыкъ. Всѣ означенные документы—пять крѣпостныхъ актовъ—выданы кадіями (судьями) „Акмечетскаго Калга-султан-

¹⁾ „Коммиссейское рѣшеніе 1808 года по дѣлу д. т. с. Попова съ поселенными на его землѣ татарами въ имѣніи Тавель“. Одесса, 1887 г., 84 стр.

скаго суда“, при чемъ три изъ нихъ 1695, 1708 и 1711 г.г. выданы на право владѣнія нѣкоторыми участками земли при дер. Біюкъ-Янкой, а послѣдніе два на право владѣнія мельницами въ д. Біюкъ-Янкой и Аянъ¹⁾. Слѣдовательно, не только въ поземельномъ, но и въ судебномъ отношеніи дер. Кучукъ-Янкой, Біюкъ-Янкой, Тавель и Аянъ составляли въ Крымскомъ ханствѣ особое владѣніе.

Наконецъ, когда бывшій при послѣднемъ ханѣ казнадаромъ Абдуль-Хамить ага и русскій чиновникъ Караценовъ описывали въ 1784 г., по порученію областного правительства, земли, которыя должны были поступить въ казну, какъ принадлежавшія ханскому правительству, то земли при дер. Кучукъ-Янкоѣ, Біюкъ-Янкоѣ и Тавелѣ были описаны въ казну какъ „*каласултанскія земли*“. По измѣренію, произведенному въ 1787 г., оказалось въ Тавельской долинѣ 505 дес. одной пахатной земли, принадлежавшей калгѣ султану и отведенной затѣмъ д. т. с. Попову²⁾.

Кромѣ этихъ земель, калгѣ принадлежала также вся округа дер. Камтунъ-Кара, Зуйского кадылыка Акмечетскаго каймаканства, какъ это можно заключить, судя по тому же „Описанію“ крымскихъ земель, поступившихъ послѣ присоединенія Крыма въ казну. Далѣе, можно думать, что большой лугъ при разоренной дер. Битаѣ подъ Акмечетью, называемый султанъ-тогай, также принадлежалъ калгѣ. Наконецъ, въ числѣ земель, взятыхъ въ 1787 г. въ казну, мы находимъ въ Динъ-Керченскомъ кадылыкѣ Кефинскаго каймаканства—„Мамай-еры“, половина которой, по словамъ описанія, составляла прежде владѣніе калги-султана. Безъ сомнѣнія, калги посредствомъ брака на дочеряхъ или сестрахъ знатнѣйшихъ беевъ, и главнымъ образомъ Шириновъ, а также путемъ купли-продажи могли подобно ханамъ приобрѣтать земельныя владѣнія и угоды на правѣ частной собственности; быть можетъ половина владѣнія „Мамай-еры“ и составляла такую собственность калги.

Вообще слѣдуетъ сказать, что калги, какъ равно и другіе султаны (царевичи), находившіеся при ханскомъ дворѣ, не были крупными помѣщиками и не интересовались хозяйствомъ, предпочитая мирнымъ занятіямъ легкую наживу путемъ набѣговъ на русскіе и польскіе предѣлы и разсчитывая на подачку, посылаемую имъ изъ Москвы и Польши. Не удивительно поэтому, если въ имѣющихся у насъ подъ руками семейныхъ раздѣлахъ мы не находимъ крупныхъ поземельныхъ владѣній послѣ султановъ, а все мелкія. Въ доказательство можемъ сослаться напр. на раздѣльный актъ 1679 г., содержащій въ себѣ перечень имущества умершаго Айвазъ-

¹⁾ Ibid., 83 стр.

²⁾ Ibid., 4 стр.

Гирея султана. Въ немъ упомянуты лишь угодія: 1) участокъ земли при д. Отары, оцѣненный въ 300 есади; 2) чаиръ, купленный у Муртазы аги за 120 есади; 3) виноградный садъ при д. Карабеки, цѣною въ 208 есади и 4) виноградный садъ при д. Сюрень въ 120 есади—и кромѣ того: 1) качинскій дворецъ съ фруктовымъ садомъ въ 1600 есади и 2) мельница о трехъ поставахъ съ мельникомъ и чаиромъ—въ 500 есади,—и ни одного помѣстія.

Владѣя калгалыкомъ на правѣ государственной собственности, калга не могъ жаловать земли калгалыка въ потомственное владѣніе. Отдавая кому-либо извѣстный участокъ земли, онъ жаловалъ его по праву т. н. *иктаа-истилола*, т. е. въ пользованіе. Вотъ почему ярлыкъ, выданный въ 1743 г. Селимъ-Гиреемъ калгой Ахметъ-Одобашу на пожалованіе ему „участка изъ казенныхъ земель, лежащихъ при Янкоѣ“, носитъ на себѣ печати послѣдующихъ наслѣдниковъ престола: Шагинъ-Гирея сына Адиль-Гирея, Батиръ-Гирея сына Сафа-Гирея султана, Селимъ-Гирея сына Фети-Гирея хана, Девлетъ-Гирея сына Сеадетъ-Гирея хана (1756 г.) и Мубарекъ-Гирея сына Бахти-Гирея¹⁾, изъявившихъ такимъ образомъ свое согласіе на сдѣланное Селимъ-Гиреемъ пожалованіе.

Что касается отношеній поселянъ, жившихъ въ предѣлахъ калгалыка къ землѣ и ея владѣльцу, то они ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, въ какихъ находились къ фиску поселяне, жившіе на ханскихъ земляхъ. Подобно послѣднимъ, они обрабатывали извѣстную часть земли, уплачивая за это десятую часть продуктовъ, а христіане, которые несомнѣнно жили вмѣстѣ съ татарами въ Кучукъ и Біюкъ-Янкоѣ, Тавели и Аянѣ, и гдѣ по выходѣ ихъ изъ Крыма въ 1779 г. они оставили дома, мельницы, сады, чаиры, поступившіе въ казну и описанные Абдуль-Хамитъ Агой и Караценовымъ,—платили сверхъ того слѣдующую съ христіанъ подать, называемую „караджъ“. Кромѣ того жители калгалыка, подобно жителямъ ханскихъ земель, могли заняться обработкой пустопорожней, никѣмъ не воздѣлываемой земли и, въ силу извѣстнаго ученія шеріата объ оживленіи мертвой природы, приобрѣтать ее въ собственность. Слѣдовательно, въ предѣлахъ калгалыка, какъ и въ предѣлахъ ханскаго домена, могла возникнуть частная собственность въ видѣ небольшихъ огороженныхъ участковъ земли. Этимъ и можно только объяснить фактъ существованія частной поземельной собственности при д.д. Кучукъ и Біюкъ-Янкоѣ, Тавели и Аянѣ, фактъ, доказанный на судѣ истцами-татарами, представившими въ Акмечетскій уѣздный судъ худжеты (крѣпостные акты), совершенные въ 1695, 1701, 1709, 1769 и 1777 г.г. (по хр. лѣт.) въ калга-султанскомъ судѣ на извѣстные участки при вышеозначенныхъ дерев-

¹⁾ Ibid. 77 стр.

няхъ. При этомъ достойно вниманія, что не только татары, но и греки, жившіе въ предѣлахъ калгалыка, имѣли свои участки земли, какъ это видно изъ „Описанія“ земель, оставшихся свободными послѣ вывода изъ Крыма христіанъ и поступившихъ въ казну. Такъ въ числѣ земель при д. Аянъ описаны въ казну: „два луга *Данилы*“, „шесть луговъ *Тодора*“, „четыре луга *Ивана*“, „садъ *Василія*“ и т. д., однимъ словомъ—все это угодія, принадлежавшія выведеннымъ въ 1779 г. изъ Крыма въ Маріупольскій уѣздъ грекамъ.

III.

Бейликъ. Характеръ бейликаго землевладѣнія. Мѣстоположеніе и размѣры бейлика Ширынскихъ, Барынскихъ, Мансурскихъ, Аргинскихъ, Сиджіутскихъ и Яшлавскихъ; Мураинская собственность и поселянскія загорожи въ предѣлахъ бейлика. Бейликъ, какъ военная и административная единица въ ханствѣ. Отношеніе жителей къ бею, какъ вотчиннику; повинности ихъ, имѣющія политическій характеръ.

Отъ указанныхъ формъ землевладѣнія,—по преимуществу государственнаго характера,—мы переходимъ къ той формѣ землевладѣнія, гдѣ государственное начало начинаетъ уступать мѣсто частному вотчинному праву. Эту форму составляетъ *бейликъ*.

Какъ мы видѣли выше, подъ этимъ именемъ въ ханствѣ подразумѣвался особый *удѣлъ*, которымъ каждый изъ представителей шести бейскихъ поколѣній: Шириновъ, Барыновъ, Мансуровъ, Аргиновъ, Сиджіутовъ и Яшлавовъ владѣлъ на правахъ политическаго главы. Съ одной стороны бейликъ можно было бы назвать феодальнымъ владѣніемъ. И дѣйствительно, подобно послѣднему, онъ составлялъ особое поземельное владѣніе политическаго характера. Съ другой стороны между ними есть разница, обусловливаемая различіемъ исторіи ихъ происхожденія. Дѣло въ томъ, что бейликъ возникъ на почвѣ патріархально-родового быта и все время оставался, собственно говоря, патріархально-родовымъ владѣніемъ. Феодальное же владѣніе возникло подъ вліяніемъ дружиннаго начала путемъ завоеваній и образовало изъ себя владѣніе политическаго характера. Вотъ почему владѣніе феодеомъ само по себѣ предоставляло извѣстныя политическія права, тогда какъ владѣніе бейликомъ этихъ правъ не давало, а наоборотъ личность владѣльца бейлика придавала бейлику извѣстное политическое зна-

ченіе, видѣляя его такимъ образомъ изъ ряда другихъ формъ вотчиннаго права Крымскаго ханства. Кромѣ того, бейликъ представлялъ изъ себя родовое владѣніе, и въ то время, когда феодеъ переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, бейликъ переходилъ къ старшему въ родѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что бейликъ различается отъ феодальнаго владѣнія и, говоря вообще, онъ уступаетъ послѣднему въ степени политическаго своего значенія. Вотъ почему бейликское землевладѣніе представляется намъ имѣющимъ смѣшанный характеръ государственнаго и частнаго права собственности, при чемъ послѣднее преобладаетъ надъ первымъ.

Переходя засимъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію бейликскаго землевладѣнія, попытаемся сначала опредѣлить, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, мѣстоположеніе и размѣры каждаго изъ шести находившихся въ ханствѣ бейликовъ.

Бейликъ Ширинскихъ занималъ цѣлый кадылыкъ (округъ) въ нынѣшнемъ Феодосійскомъ уѣздѣ, называвшійся официально „Ширинскимъ кадылыкомъ“. По „Камеральному описанію Крыма 1784 года“ въ этотъ кадылыкъ входило 40 деревень¹⁾. Кромѣ того въ Таманскомъ кадылкѣ Карасубазарскаго каймаканства мы встрѣчаемъ нѣсколько деревень, носившихъ названіе „Ширинъ“²⁾. Всѣ ли эти деревни входили въ составъ бейлика Ширинскихъ, съ точностью мы не можемъ сказать. Изъ списка же, представленнаго въ 1803 г. предводителемъ дворянства Нотарой председателю Высочайше учрежденной крымской поземельной комиссіи Лопухину, видно, что ядро бейлика Ширинскихъ составляла нынѣшняя Салынская волость Феодосійскаго уѣзда. Здѣсь находились упоминаемыя въ родословной Ширинскихъ: Орталанъ, Топлы, Сартаны, Салы³⁾; здѣсь же находилось и извѣстное въ исторіи ханства мѣстопребываніе Ширинскаго бея—дер. Катырша-Сарай.

Относительно слѣдующаго бейлика—Барынскихъ мы имѣемъ меньше указаній по той причинѣ, что ко времени присоединенія Крыма фамилія Барынскихъ упала, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія даже не числилась какъ мы видѣли выше, въ списокъ беевъ, составленномъ таврическимъ предводителемъ дворянства. Единственныя свѣдѣнія мы находимъ о нихъ въ „Описаніи“ крымскихъ земель, составленномъ Абдулъ-Хамить-агой и Караценовымъ. Перечисляя поступившія въ казну земли Карасу-Юкары-Ногайскаго кадылыка,

¹⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“. (Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., № 6, 57—58 стр.

²⁾ Ibid., 53.

³⁾ Мой рефератъ „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“. (Труды VI Арх. Съѣзда, IV т., 100 стр.).

Абдуль-Хамитъ и Караценовъ, въ числѣ первыхъ помѣщаютъ дер. Барынъ, а вслѣдъ за этимъ говорятъ: „земля Нѣтчи бея Барынского простирается отъ деревни внизъ по карасубазарской дорогѣ до каменнаго барынского мосту, а по другую сторону до Сарысу; въ дер. Кутлукъ—лугъ, лѣсу одна часть, въ дер. Каракоба—садъ; въ дер. Текешъ-Адарчикъ земли простираются до самаго Салгира и до дер. Садакчи; подъ д. Аргинчикъ на р. Карасовѣ—одинъ лугъ; въ урочищѣ Кулакчи—лѣсъ, который простирается отъ одной дороги до другой¹⁾. Какъ ни сбивчивы эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что дер. Барынъ, числящаяся по „Камеральному описанію Крыма“ въ Динъ-чонгарскомъ кадылыкѣ Карасубазарскаго каймаканства²⁾, составляла нѣкогда владѣніе Барынскихъ беевъ и, быть можетъ, даже—ихъ мѣстопробываніе.

Мансурскіе, какъ родичи кочевавшихъ за Перекопомъ ногайцевъ, сѣли поближе къ своимъ и заняли на полуостровѣ степи, прилегающія къ Перекопу. Судя потому, что Мансуръ назывался иначе Мангутамп, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ Тунманн³⁾, можно допустить, что они занимали нѣкогда весь Мангутскій кадылыкъ Козловскаго каймаканства. И дѣйствительно, какъ видно изъ семейнаго ихъ списка, находящагося при дѣлѣ объ ихъ дворянствѣ, Мансурскіе въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія владѣли еще довольно значительнымъ участкомъ земли въ 15 т. десятинъ земли въ Мангутскомъ кадылыкѣ при дер. Нурали, Бокатанъ, Токъ-Шейхъ, Конжалай, Тубинчи, Абай, Карачи-Урлюкъ, Анзъ, Оглубай, Колку, Байлы и Кинганъ⁴⁾, хотя это имѣніе находилось въ раздѣльномъ владѣніи каждаго изъ представителей шести поколѣній Мансурскаго рода. Изъ дѣла же, производившагося въ 1823 г. въ Таврической Палатѣ Уголовнаго Суда о тит. сов. Абдишѣ мурзѣ бей Мансурскомъ, видно, что мѣстопробываніемъ Мансурскаго бея была дер. *Бакалъ*, находящаяся нынѣ въ Біюкъ-асской волости Евпаторійскаго уѣзда, а прежде—въ томъ же Мангутскомъ кадылыкѣ, и что при этой деревнѣ и находился собственно бейликъ Мансурскихъ въ размѣрѣ 15 т. десятинъ земли, который въ 1820 г. Абдиша бей незаконно отдалъ въ залогъ, вслѣдствіе чего и былъ преданъ суду⁵⁾. Мы думаемъ, что

¹⁾ „Камеральное описаніе землямъ и садамъ послѣ вывода христіанъ и выѣхавшихъ за границу мурзъ“.

²⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“. (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., № 6, 49 стр.)

³⁾ Description de la Crimée par M. Thounmann, 22 p.

⁴⁾ Дѣло о дворянствѣ Мансурскихъ. (Архив. Тавр. Двор. Собранія).

⁵⁾ „Описаніе дѣлъ Таврическаго Историческаго Архива“. (Извѣстія Таврич. Учен. Архивн. Ком., № 10, 129 стр.).

по причинѣ этой незаконной отдачи въ залогъ бейликской земли при дер. Бакаль, эта земля не показана въ упомянутомъ выше семейномъ спискѣ Барынскихъ.

Бейликъ Аргинскихъ находился въ той части Крыма, гдѣ была первоначальная столица Крыма — Эски-Крымъ, по сосѣдству съ Шпринскими и Барынскими. Здѣсь въ Карасубазарскомъ каймаканствѣ находился цѣлый кадылыкъ, называвшійся Аргинскимъ по имени Аргинскихъ беевъ¹⁾. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія владѣніе ихъ въ этомъ кадылкѣ составляло площадь въ 25637 десятинъ земли, какъ видно изъ семейнаго списка, находящагося при дѣлѣ объ ихъ дворянствѣ²⁾. Самый бейликъ Аргинскихъ названъ въ спискѣ „Аргинъ-Найманомъ“. Въ 1787 году часть земли при дер. Аргинъ того же Аргинскаго кадылыка, принадлежавшей Кутлушѣ мурзѣ (Аргинскому?), описана была въ казну.

Что касается бейлика Сиджіутскихъ, то о немъ мы имѣемъ лишь слѣдующія свѣдѣнія. Въ спискѣ мурзъ, оказавшихся на лицо въ 1784 г., показано трое Сиджіутскихъ, а именно: Мегметша мурза, сынъ Девлетшахъ бея, Мегметъ бей, сынъ Ахметши мурзы и Еманетшахъ мурза, сынъ Куртъ мурзы; всѣ они проживали въ Карасубазарскомъ каймаканствѣ. Изъ списка же дворянъ-мурзъ, составленнаго таврическимъ предводителемъ дворянства въ 1802 году, видно, что Мегметша мурза проживалъ въ Кокташской (нынѣ Салынской) волости Феодосійскаго уѣзда. Далѣе, изъ Описанія 1787 г. крымскихъ земель, поступившихъ въ казну послѣ присоединенія Крыма, видно, что д. Сиджуутъ Карасу-юкарійскаго кадылыка Карасубазарскаго каймаканства принадлежала прежде Суджуутъ (не Сиджіутъ ли?) Кутлу-Гирею мурзѣ, а послѣ него поступила въ казну. Наконецъ, въ дѣлѣ о дворянствѣ Сиджіутскихъ имѣются свѣдѣнія о томъ, что въ 1820 г. Батырша мурза Сиджіутскій владѣлъ недвижимымъ имѣніемъ при с. Коперликой, находящемся въ нынѣшней Салынской волости Феодосійскаго уѣзда, въ количествѣ 2 т. зановъ (около 6 т. дес.), кромѣ фруктоваго сада и лѣсной дачи.

Руководствуясь вышеприведенными данными, мы думаемъ, что родовое владѣніе Сиджіутскихъ находилось въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія при Коперликоѣ, а раньше въ составъ бейлика входили тѣ селенія, которыя носили фамиліное названіе беевъ, т. е. Сиджіутъ. Однимъ изъ такихъ могло быть селеніе Суджуутъ, часть земли котораго была описана въ

¹⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“. (Изв. Тавр. Учен. Арх. Ком. № 6, 50 стр.).

²⁾ Мой рефератъ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“. (Труды VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 109 стр.).

казну какъ оставшаяся послѣ Кутлу-Гирея мурзы Сиджіутскаго, а другимъ—с. Суджуутъ—Караульскаго кадылыка Перекопскаго каймаканства, или Сиджіутъ-Арабатскаго кадылыка Кефинскаго каймаканства. Какъ бы то ни было, не подлежитъ однако сомнѣнію, что бейликъ Сиджіутскихъ уступалъ по своимъ размѣрамъ остальнымъ и былъ меньше другихъ.

Наконецъ бейликъ Яшлавскихъ занималъ ту мѣстность, гдѣ и нынѣ находятся селенія, называющіяся по имени беевъ Яшлавскихъ. Это—часть Дуванкойской и Мангушеской волости съ селеніями Кучукъ (Большой)-Яшлавъ и Біюкъ (Малый)-Яшлавъ. Принимая во вниманіе свидѣтельство родословной, можно полагать, что Яшлавскіе въ указанной мѣстности занимали все пространство „между городомъ Кырккомъ (нынѣ Чуфутъ-Кале) и рѣкой Альмой“, ибо ихъ предокъ Абакъ бей, перекочевавъ со своимъ родомъ въ Крымъ, поселился, по выраженію родословной, „въ Яшдагъ (иначе Яшлавъ), т. е. на полянахъ въ молодомъ лѣсу, между городомъ Кырккомъ и р. Альмой“. Въ 1784 году по „Камеральному описанію Крыма“ въ Бахчисарайскомъ кадылыкѣ числилось три селенія съ названіемъ „Яшдагъ“. Наконецъ, изъ семейнаго списка Яшлавскихъ, составленнаго въ 20-хъ г.г. настоящаго столѣтія, видно, что въ то время бейликъ Яшлавскихъ заключалъ въ себѣ 11,500 десятинъ земли при сел. Кучукъ-Яшлавъ и Біюкъ-Яшлавъ.

Такимъ образомъ съ вѣншей стороны бейлики представляли изъ себя довольно большіе участки земли, хотя и неодинаковаго размѣра, и что всѣ они располагались главнымъ образомъ въ юго-восточной части Крыма, тамъ, гдѣ находился первоначальный центръ татарской осѣдлости—Эски-Крымъ. Исключеніе составляли бейлики Яшлавскихъ и Барынскихъ, изъ коихъ первый основался по сосѣдству съ столицей ханства—Бахчисараемъ, а второй по сосѣдству съ своими родичами—ногайцами. Каждый изъ такихъ участковъ имѣлъ свои границы, которыя, къ сожалѣнію, точно обозначить нѣтъ возможности, по неимѣнію данныхъ, и въ своихъ предѣлахъ заключалъ нѣсколько селеній, изъ которыхъ одно служило мѣстопробываніемъ бей.

Переходя къ опредѣленію внутренней стороны бейликскаго землевладѣнія, укажемъ сначала, на какомъ правѣ собственности владѣлъ бей своимъ удѣломъ.

Мы видѣли выше, что званіе бей, а съ нимъ и владѣніе бейликомъ переходило къ старшему въ родѣ, который и становился такимъ образомъ карачи-беемъ, т. е. ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ хана, въ качествѣ представителя всего бейскаго рода. Правда, суверенитетъ мусульманскаго владыки-хана требовалъ обращенія къ ханской инвентурѣ, какъ источнику утвержденія беевъ въ ихъ званіи, что видно изъ содержащихся въ нашемъ „Сборникѣ“ ханскихъ ярлыковъ. Но дѣло въ томъ, что ханская

власть не измѣняла существовавшего порядка наслѣдованія бейликомъ, а только санкционировала тотъ порядокъ, который существовалъ самъ собою, въ силу обычнаго права. Обычай же этотъ, какъ извѣстно, требовалъ, перехода бейлика къ старшему родичу. Подобный порядокъ наслѣдованія опредѣлялъ собою и сущность вотчиннаго права бея. Бей владѣлъ бейликомъ на правѣ *ограниченной собственности* и могъ имъ только *пользоваться*, но не распоряжаться, ибо, въ сущности говоря, бейликъ принадлежалъ *всему бейскому роду*. Послѣдній же осуществлялъ принадлежащее ему право тѣмъ, что отдавалъ бейликъ въ пожизненное владѣніе представителю всего рода, т. е. бею. Вотъ почему Абдиша бей Мансурскій былъ привлеченъ Евпаторійскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ 1820 г. къ суду за отдачу въ залогъ своего бейлика, и обвиненъ въ незаконномъ присвоеніи себѣ права распоряженія бейликской землей. Такимъ образомъ, въ силу обычнаго права владѣніе бейликомъ принадлежало собственно всему бейскому роду, а представителю бейскаго рода предоставлено одно лишь пожизненное пользованіе.

Это же обычное право въ связи съ ученіемъ шеріата о т. н. „оживленіи мертвой природы“ опредѣляло собою и другія черты внутренняго устройства бейлика.

Благодаря сравнительно слабому развитію земледѣльческой культуры и возможности въ широкихъ размѣрахъ практиковать ученіе шеріата объ оживленіи мертвой природы въ предѣлахъ бейликской территоріи, возникла частная собственность, хотя и небольшая, въ видѣ особыхъ участковъ земли. Такая собственность принадлежала размножившимся членамъ бейскаго рода — мурзамъ. Что родичи беевъ имѣли поземельную собственность, видно изъ дѣла, разбиравшагося въ 1674 г. въ кадаскерскомъ судѣ по поводу жалобы нѣкоторыхъ мурзъ Яшлавскихъ на своихъ родныхъ о захватѣ ими двухъ участковъ земли подъ названіемъ „Карачегеръ“ и „Казике“ при Біюкъ-Яшдагѣ. На судѣ отвѣтчики сами сознались въ справедливости иска, и судья постановилъ считать спорные участки земли собственностью, или, какъ они названы, *массуа*, — истцовъ: Инаетши мурзы съ братьями и Аджи-Теміръ бея съ братьями¹⁾. Кромѣ того въ числѣ земель, поступившихъ въ казну послѣ присоединенія Крыма, мы находимъ участки, входившіе прежде въ составъ бейлика и принадлежавшіе мурзамъ изъ бейскаго рода. Таковы напр. участки Ширинскихъ мурзъ въ Ширинскомъ кадылыкѣ при д. Кишлавъ, Учкую, Эсенъ-эли и т. д., Аргинскихъ мурзъ въ Аргинскомъ кадылыкѣ и др.²⁾.

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ судейское рѣшеніе № 101.

²⁾ „Камеральное описаніе земель и садамъ, поступившимъ въ казну“, составл. въ 1787 г. Абдулъ Хамитъ агой и Караценовымъ.

Мы не удивляемся существованію частной собственности въ предѣлахъ бейлика. При патріархальности тогдашнихъ отношеній, при юридической неопредѣленности бейликскаго землевладѣнія вообще, представлялась полная возможность устанавливать путемъ захвата право собственности не только на впускъ лежащую, „мертвую“ землю, на которую по ученію шеріата приобрѣтается право собственности путемъ „оживленія мертвой природы“, но даже и на обрабатываемые участки земли, тѣмъ болѣе, что она считалась своей, общей. Спустя пять лѣтъ послѣ указаннаго дѣла Яшлавскихъ мурзъ, Яшлавскій бей Велиша возбудилъ дѣло въ кадаскерскомъ судѣ противъ Шенхъ-Ніетши мурзы и Мубарекши мурзы, обвиняя ихъ въ томъ, что они обнаруживаютъ притязанія на земли бейлика. Судъ конечно заставилъ отвѣтчиковъ отказаться отъ такихъ неосновательныхъ претензій на томъ основаніи, что „Яшдагская земля составляетъ бейликъ“¹⁾. Такимъ образомъ Велиша бей оставилъ своихъ родичей въ ихъ смѣлыхъ претензіяхъ на земли бейлика. Но не всякій бей рѣшался по тѣмъ или другимъ причинамъ открыто возставать и останавливать тѣхъ изъ своихъ родичей, кто приобрѣталъ поземельную собственность въ предѣлахъ бейлика. Въ большинствѣ случаевъ бей снисходительно смотрѣлъ на приобрѣтеніе своими въ собственность небольшихъ участковъ земли, тѣмъ болѣе, если они были изъ числа „пустопорожнихъ“.

Кромѣ участковъ земли, принадлежавшихъ мурзамъ-родичамъ беевъ, въ предѣлахъ бейлика появились поселянскія „загорожи“. Это были небольшіе огороженные участки нѣкогда пустопорожней, невоздѣланной земли. Фактически они находились во владѣніи того, кто занимался ихъ обработкой. Съ формальной же стороны эти загорожи входили въ составъ бейлика, ибо требуемое по смыслу шеріатскаго ученія объ „иетаа-темликъ“ для подтвержденія права собственности на обработанную землю, не могло имѣть мѣста по отношенію къ бейликской землѣ. Это видно изъ дѣла, возбужденнаго въ 1681 г. упомянутымъ выше Велиша-беемъ Яшлавскимъ противъ жителей села Яшдагъ о незаконномъ присвоеніи ими права собственности на нѣкоторые „хлѣбопахатныя и сѣнокосныя земли“ при вышеозначенномъ селеніи. На судѣ онъ заявилъ, что эти земли со времени родоначальника Яшлавскихъ Абакъ-бея и до настоящаго времени находятся „въ распоряженіи жителей, по договору“ (аріе), но что они никогда не владѣли ими, какъ собственники. Разобравъ дѣло, судъ дѣйствительно призналъ спорные участки—бейликской землей, а владѣніе ими принадлежащимъ бею²⁾. Слѣдовательно поселянскія загорожи въ предѣлахъ бейлика составляли родъ нашего чиншевого владѣнія.

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ судебское рѣшеніе подъ № 107.

²⁾ *ibid.* судебское рѣшеніе подъ № 110.

Итакъ *de jure* бейликъ долженъ былъ представлять собою одно владѣніе; на дѣлѣ же онъ вмѣщалъ въ своихъ границахъ и частную собственность въ видѣ 1) небольшихъ участковъ земли, принадлежащихъ мурзамъ-членамъ бейскаго рода, и 2) усадебныхъ мѣстъ съ загорожами, находившихся во владѣніи поселянъ, но на ограниченномъ правѣ, напоминающемъ наше тиншевое владѣніе. И хотя подобная собственность производила чрезполо-сину, тѣмъ не менѣе нисколько не лишала бейликскаго землевладѣнія отличнаго его характера.

Что касается отношеній жителей бейлика къ владѣльцу-бею, то, эти отношенія, сохраняя въ общемъ прежній патріархальный характеръ, состояли въ слѣдующемъ.

Въ своей власти беи опирались на народъ и потому были съ нимъ солидарны. Исторія представляетъ намъ примѣры обращенія народа къ беямъ, какъ къ защитникамъ народныхъ интересовъ. По словамъ московскаго гонца въ Крымъ Айтемпрева, жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ проживали низложенный беими и войскомъ въ 1692 г. ханъ Сафа-Гирей и калга, просили Шириновъ, „чтобы они Ширины отъ той обиды ихъ оборонили“¹⁾. Но не одни Ширины были защитниками народа; каждый бей обязанъ былъ заботиться объ общихъ интересахъ, а въ особенности объ интересахъ, тѣхъ, кто ближе всѣхъ стоялъ къ бею и жилъ на его землѣ.

Такимъ образомъ, какъ правитель, бей являлся прежде всего вырази-телемъ нуждъ и желаній народа предъ центральною властью и защитникомъ его интересовъ. Это составляло какъ бы внѣшнюю дѣятельность бея. Къ этой же дѣятельности относились и его военныя обязанности. Онъ воору-жалъ все населеніе своего бейлика, способное носить оружіе, и въ ханскомъ войскѣ становился подъ особымъ знаменемъ, составляя въ немъ особый „бай-ракъ“. Нерѣдко такой байракъ дѣйствовалъ самостоятельно подъ начальствомъ бея, а большею частью подъ начальствомъ бейскаго нурадыва (предводителя бейскаго войска). О размѣрѣ байрака можно судить изъ сообщенія того же гонца Айтемпрева, который говоритъ, что въ 1693 г. въ погоню за русскими былъ посланъ Кантемиръ мурза Кая беевъ сынъ Аргинскій и что съ нимъ было 2 т. человекъ. Очевидно Кантемиръ мурза повелъ съ собою свой байракъ. Но не всѣ байраки были одинаковы; у болѣе могущественныхъ беевъ, какъ напр. Шпринскихъ, байракъ былъ больше, у другихъ—меньше. Кромѣ того, у одного и того же бея число людей, выходившихъ на войну и составлявшихъ байракъ, не всегда было одинаково. Однимъ словомъ бай-

¹⁾ Статейный списокъ московскаго гонца Айтемпрева. (Рукопись, при-надлежащая проф. А. И. Маркевичу).

ракъ не составлялъ какой либо точно опредѣленной единицы въ ханскомъ войскѣ, а просто обозначалъ отрядъ, доставляемый тѣмъ или другимъ беемъ. На силу этихъ байраковъ и опирались беи, какъ владѣтельные князья, пользующіеся тѣмъ или другимъ политическимъ значеніемъ, и какъ защитники интересовъ массы предъ ханской властью.

Къ области же внутренней дѣятельности бея относилось производство суда и расправы въ предѣлахъ бейлика. Что дѣйствительно судъ и расправа принадлежали бею, видно изъ ханскихъ ярлыковъ, коими беи утверждались ханомъ въ своемъ достоинствѣ. Обыкновенной фразой такихъ ярлыковъ, указывающей на вышеназванную привилегію беевъ, была фраза: „владѣть и управлять бейликомъ, какъ владѣли отцы и дѣды“¹⁾, слѣдовательно они должны были владѣть *по старинѣ*, когда производство суда составляло главнѣйшую обязанность управленія. Кромѣ того изъ свидѣтельства современниковъ мы узнаемъ, что у Ширинскихъ и Барынскихъ беевъ былъ даже особый кадіаскеръ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ²⁾. Другіе хотя и не имѣли у себя особаго судьи, тѣмъ не менѣе должны были сами выполнять эту обязанность въ силу уже одного обычая, который до настоящаго времени признаетъ компетенцію „суда стариковъ“. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить предѣлы бейской юрисдикціи. Несомнѣнно одно только, что ограниченіемъ самостоятельности беевъ въ судебномъ отношеніи служила компетенція шеріатскаго суда, къ которому необходимо нужно было обращаться въ дѣлахъ, затрагивающихъ вопросы практическаго богословія. Далѣе, важнѣйшія уголовныя дѣла подлежали вѣдѣнію ханскаго дивана, какъ высшаго судилища въ ханствѣ. Наконецъ мы видимъ Яшлавскихъ беевъ, обращающихся къ ханскому кадіаскеру для разрѣшенія своихъ поземельныхъ споровъ, но, какъ кажется, потому только, что, живя по близости Бахчисарая, они подчинялись его юрисдикціи. Однимъ словомъ, жители были подчинены своему бею какъ въ судебномъ, такъ и административномъ отношеніи. На этомъ основаніи ярлыки, данные въ 1704 г. Хаджи Селимъ Гиреемъ, а въ 1705 году—Гази Гирей III, и называютъ ихъ „подвластными бея“, или, какъ сказано въ документѣ, „кошунъ“ и „эль“³⁾.

Переходя къ разбору отношеній жителей къ бею, какъ вотчиннику, мы должны прежде всего повторить то, что было сказано выше вообще по поводу этихъ отношеній, а именно, что они сохраняли свой патріархальный

¹⁾ Мой рефератъ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“. (Труды VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 103 стр.).

²⁾ Description de la Crimée, par Thounmann, 30 p.

³⁾ См. въ „Сборникѣ“ ярлыкъ подъ № 40.

характеръ. Будучи лично свободны, поселяне обрабатывали поле бея, воздѣлывали его сады, виноградники, доставляли ему лѣсъ и т. д., однимъ словомъ отбывали барщину, и въ то же время не только содержали себя и свое семейство, но и приобрѣтали въ предѣлахъ бейлика собственность: усадебныя мѣста въ полное владѣніе, а другіе участки земли на правѣ ограниченной собственности. Съ такихъ участковъ поселяне уплачивали обычную у мусульманъ *десятинную подать* или ашуръ, ушуръ, которую собирали особые управители или дуваны, ибо самъ бей не интересовался хозяйствомъ своего бейлика, а проводилъ время въ походахъ, въ занятіяхъ въ ханскомъ диванѣ, на охотѣ и т. д. Существовали-ли какія другія повинности, мы не можемъ съ точностью сказать. Въ ярлыкѣ 1577 г., данномъ Мухаммедъ-Гиреемъ Джанъ Мехмедъ-бею Аргинскому, упомянуты слѣдующія повинности: „*туманендъ, савга, джеранимъ, буралки и колушъ-каланка*“. Но скорѣе всего—это были привилегіи беевъ, имѣвшія политическій характеръ, какъ это можно заключить изъ того, что савга составляла право бея на десятую часть ясырей, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ статейномъ списокѣ Айтемпревъ, говоря, что нурадинъ-султанъ послѣ своего похода въ началѣ 1693 года „отобралъ полону на себя *савчи*, т. е. десятины съ трехъ тысячъ и того триста человекъ“¹⁾. Что касается остальныхъ привилегій, то, за непмѣнимъ свѣдѣній, мы ничего опредѣленнаго сообщить о нихъ не можемъ. Достоверно одно, что Яшлавскій бей, въ качествѣ „владѣтеля города Кырка“ и окружающихъ мѣстностей, населенныхъ христіанами, имѣлъ право производить денежные сборы съ немусульманскихъ подданныхъ. Такъ изъ ярлика, данного Мухаммедъ-Гиреемъ въ 1638 году Джантемиръ-бею Яшлавскому, видно, что онъ получалъ: „отъ убоя каждой скотины—60 акча (акчѣ), отъ арбы съ овощами—по 1 акча, отъ арбы съ припасами или товарами—4 акча, отъ бочки съ привозимаго или отвозимаго (въ Кыркортъ?) вина—15 акча“, а сверхъ того „подушныя деньги“²⁾. Эти подушныя деньги составляли обычную у мусульманъ „поголовную подать съ невѣрныхъ“, или *джезіе*. Кромѣ того Яшлавскій бей получалъ за каждый совершаемый немусульманами бракъ подарокъ деньгами или медомъ на сумму 120 акча. Изъ другого ярлика, выданнаго въ 1723¼ г. Шаганъ-бею, видно, что Яшлавскіе бей получали еще: „отъ каждаго воза, доставляющаго фрукты и лѣсъ,—1 акча, отъ каждаго мажары (возъ), отвозящей лѣсъ и куческіе товары въ Феодосію,—2 акча,.... отъ полной бочки вина, доставленной съ р. Альмы или Бельбека въ

¹⁾ Статейный списокъ московскаго гонца подъячаго В. Айтемпрева. (Рукопись профессора Ал. И. Маркевича).

²⁾ Мой рефератъ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“. (Труды VI Археол. Съѣзда, т. IV, 104 и 105 стр.).

ханскіе города, мѣстечки или деревни—100 акча,.... отъ каждой арбы, вывозящей виноградъ для продажи—7 акча¹⁾.

Такимъ образомъ, отношенія жителей-мусульманъ къ бею, какъ вотчиннику, не отличались сложностью, были просты и въ общемъ напоминали тѣ, которыя въ пастушескомъ быту существовали между патриархомъ и управляемой имъ группой.

Заканчивая этимъ изложеніе свѣдѣній по вопросу о томъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности бейликъ, мы должны сказать, что считаемъ его однимъ изъ наиболѣе характерныхъ типовъ крымско-татарскаго землевладѣнія.

IV.

Ходжалыкъ—поземельное владѣніе духовныхъ лицъ и учителей. Данные о немъ; мѣстонахожденіе ходжалыка; свойство владѣнія имъ и обязанности ходжей.

Въ настоящей главѣ мы удѣлимъ мѣсто наименѣе извѣстной формѣ крымско-татарскаго землевладѣнія, имѣющей связь съ только-что указанною формой крымско-татарскаго землевладѣнія по своему смѣшанному характеру государственнаго и частнаго права собственности. Эту форму составлялъ—*ходжалыкъ* или владѣніе ходжей. Нынѣ въ Крыму подъ именемъ ходжи понимается учитель первоначальнаго училища (мектебе), слѣдовательно учитель вѣры—духовное лицо. Чтò обозначало оно прежде въ періодъ существованія ханства,—увидимъ ниже. О существованіи въ Крыму ходжалыка мы узнаемъ изъ двухъ грамотъ, данныхъ 21 апрѣля и 17 октября 1718 года Сафа-Гиреємъ султаномъ. Въ первой мы читаемъ, что нѣкто „почтенный Арсланъ ходжа“ признается „способнымъ и достойнымъ къ отправленію службы“, и вслѣдствіе смерти старшаго его брата ему назначается восемь деревень изъ числа 16 деревень, издавна „бывшихъ обыкновенно въ распоряженіи *ходжей*“ и поименованныхъ въ приложенномъ къ грамотѣ спискѣ. Этими деревнями онъ долженъ завѣдывать по *стародавнему уставу*. Поэтому, читаемъ мы въ грамотѣ, когда „упомянутый нашъ слуга будетъ *вѣдать и править народомъ по изстари заведенному правилу*“, то никто не долженъ ему мѣшать и препятствовать. Въ концѣ грамоты находится и самый списокъ деревень. Вотъ онѣ: Копъ-Чокурджу, Акъ-Чинрау, Банимъ, Куль-Чакымы, Дау-Джаръ, Хаджи-Хасанъ, Акъ-Яшъ Карыйе, Киръ-Кулачъ; въ

¹⁾ Ibid., 105 стр.

Кирь-Кулачъ—собственное мѣстопробываніе Арсланъ ходжи. Другая грамота выдана Достъ-Мухаммеду ходжѣ, состоящему въ должности ходжи, „переходящей изъ рода въ родъ“ на пожалованіе ему 16 деревень, „составляющихъ по старинному уставу районъ *ходжалыка*“. Въ ней говорится, чтобы жители *ходжалыка* признавали новопожалованнаго ходжу своимъ начальникомъ и, въ случаѣ войны, выступали вмѣстѣ съ нимъ въ походъ¹⁾. Такимъ образомъ указанные два документа ставятъ, по нашему мнѣнію, внѣ всякаго сомнѣнія фактъ существованія *ходжалыка* въ Крымскомъ ханствѣ. Какъ видно, онъ состоялъ изъ 16 деревень и находился въ предѣлахъ Шейхельскаго кадылыка Козловскаго каймаканства, ибо изъ числа вышеупомянутыхъ восьми деревень, пожалованныхъ Арслану-Ходжѣ, дер. Кирь-Кулачъ и Окъ-Чинрау помѣщены въ списокъ селеній Крыма 1784 г. въ указанномъ кадылыкѣ²⁾. Что же касается остальныхъ деревень, то онѣ показаны въ другомъ списокѣ, составленномъ въ 1796 г., въ которомъ, замѣтимъ кстати, транскрипція татарскихъ наименованій гораздо правильные, чѣмъ въ списокѣ 1784 г.; а именно,—въ числѣ деревень Евпаторійскаго уѣзда числятся: подъ № 862—Акь-Яшъ, подъ № 863—Хаджи-Хасанъ, подъ № 864—Давумъ-Джаръ, подъ № 866—Куль-Садыкъ (Куль-Чакымъ?)³⁾. Такъ какъ эти названія помѣщены рядомъ съ Кирь-Кулачемъ и Окъ-Чинрау, то мы заключаемъ изъ этого, что всѣ упомянутыя выше деревни состояли прежде въ Шейхельскомъ кадылыкѣ. Достойно примѣчанія при этомъ, что въ этомъ же кадылыкѣ по списку 1784 года числилась деревня Ходжалыкъ⁴⁾. Не служила ли она мѣстопробываніемъ самого владѣтеля *ходжалыка*, а въ 1718 г. того Достъ-Мухаммеда ходжи, который получилъ указанный выше ферманъ Сафа-Гирея на владѣніе „16 деревнями, составляющими *ходжалыкъ*“?

Далѣе, *ходжалыкъ*, какъ видно изъ тѣхъ же грамотъ, „переходилъ изъ рода въ родъ“, причемъ Арсланъ Ходжа получилъ во владѣніе восемь деревень лишь *послѣ смерти старшаго брата* Ахмедъ-Джана. Слѣдовательно, *ходжалыкъ* подчинялся порядку родового наследованія и не составлялъ исключительной собственности одного какого либо ходжи, а всего ихъ рода. И подобно тому, какъ бей получалъ верховную санкцію на

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ грамоты подъ №№ 32 и 33.

²⁾ Камеральное описаніе Крыма 1784 г. („Извѣстія Тавр. Уч. Архив. Ком., № 6, 56 стр.).

Прим. Нынѣ д. Кирь-Кулачъ и Банъ находятся въ Курманъ-Аджинской волости Евпаторійскаго уѣзда („Алфав. списокъ селеній и поселковъ Тавр. губ.“. Пам. книга Тавр. губ.).

³⁾ Списокъ селеній Таврической области 1796 г. (Архивъ Тавр. Губ. Прав.).

⁴⁾ Камеральное описаніе Крыма 1784 г. (Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Ком., № 6, 56 стр.).

свое званіе бея, такъ и ходжа, вступая въ управленіе ходжалыкомъ, обращался къ верховной власти для узаконенія того, что существовало въ силу обычнаго порядка наслѣдованія. Для насъ только неясно одно: почему обѣ наши грамоты выданы не ханомъ, а султаномъ, крымскимъ царевичемъ? Потому ли, что утвержденіе ходжей зависѣло отъ послѣдняго, или по какимъ либо другимъ причинамъ, напр. вслѣдствіе отсутствія въ то время хана Сеадеть-Гирея изъ Крыма,—рѣшать не беремся.

Наконецъ, жители ходжалыка обязаны были „почитать ходжу какъ своего начальника“ и выходить съ нимъ на войну, а ходжа обязанъ былъ „вѣдать и править народомъ по изстари заведенному правилу“. Такимъ образомъ, владѣніе ходжей имѣло нѣкоторый политическій характеръ, а самъ ходжа является предъ нами въ болѣе вопиющей роли, чѣмъ та, которая нынѣ возлагается на него въ качествѣ учителя. Это даетъ намъ поводъ думать, что съ званіемъ ходжи соединялись и другія обязанности, кромѣ учительскихъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Ходжалыкъ, по нашимъ даннымъ, находился въ Шейхельскомъ кадылыкѣ. Названіе же кадылыка—шейхъ—проповѣдникъ, эль—народъ—показываетъ, что въ этомъ углу Крыма сосредоточивались вообще поземельныя владѣнія духовныхъ лицъ.

Мурзинское землевладѣніе. Образованіе въ ханствѣ служилаго сословія. Пожалованіе земель за службу. Помѣстія и вотчины; сліяніе ихъ. Сущность мурзинскаго землевладѣнія; верховная санкція для пріобрѣтенія вотчинныхъ правъ. Поселянская собственность въ предѣлахъ мурзинской земли; повинности поселянъ; пользованіе выгономъ и лѣсомъ на мурзинской землѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію формъ частнаго землевладѣнія, остановимся сначала на той изъ нихъ, которая образовалась подъ воздѣйствіемъ ханской власти.

Установленіе въ Крыму этой власти, само собою разумѣется, должно было привести къ образованію особаго служилаго сословія, которое соблюдало бы ея интересы и могло бы быть вообще опорой и защитой престола, ибо въ противномъ случаѣ центральная власть не только оставалась бы безъ посредствующихъ органовъ управленія, но и безъ противовѣса родовой аристократіи. Такое сословіе дѣйствительно явилось въ лицѣ капу-халковъ и

разныхъ другихъ чиновниковъ, начиная высшими—агами и кончая низшими челеби. Для содержанія же его нужны были средства, а такими при тогдашнемъ экономическомъ положеніи могли быть лишь тѣ средства, которыя доставлялись государственнымъ земельнымъ фондомъ. Вотъ почему вмѣсто денегъ платили за службу предоставленіемъ извѣстной части доходовъ съ коронныхъ земель или пожалованіемъ извѣстнаго участка земли.

Что касается перваго способа вознагражденія, то, насколько намъ извѣстно, онъ практиковался сравнительно въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ дѣлахъ о дворянствѣ мурзъ, хранящихся въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія, мы встрѣтили ярлыки на пожалованіе доходовъ главнымъ образомъ съ соляныхъ озеръ. Что же касается пожалованія доходовъ съ ханскихъ земель, то такихъ случаевъ сравнительно было мало. Кромѣ ярлыковъ, помѣщенныхъ въ Зап. Одес. Общ. Истор. и Древностей, намъ извѣстенъ еще неизданный ярлыкъ 1746 г. Седимъ Гирей, коимъ онъ жалуетъ нѣкому Мухаммедъ-агѣ бахчу, находящуюся въ ханскомъ имѣніи близъ д. Шури.

Гораздо въ болѣе большихъ размѣрахъ практиковалось пожалованіе за службу того или другого участка земли изъ числа коронныхъ. Указать всѣ случаи такого пожалованія мы не беремся. Одно можно сказать, что мурзинскія фамиліи: Арабскихъ, Бораганскихъ, Байдарскихъ, Джагинскихъ, Дапрскихъ, Джанкльчевыхъ, Кайтазовыхъ, Картбійскихъ, Кондильскихъ, Конратскихъ, Меркитскихъ, Тайганскихъ, Улановыхъ, Эмировыхъ и другихъ, числившихся въ 1820 г. дворянами-мурзами Таврической губерніи, были когда-то пожалованы ханами земель за службу. Такъ, *Арабскіе* въ 1820-мъ году, когда производилось дѣло объ утвержденіи ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, владѣли еще деревней Арабъ, которая, какъ оказалось „по розыску, учиненному на мѣстѣ“, была „подарена нѣкогда ханомъ“. Предку *Бораганскихъ* Хайдаръ бею Борагану Сахибъ-Гирею ханомъ въ 1551 г. пожалована земля съ имѣющимся на ней водянымъ колодеземъ при урочищахъ Керменчикъ, Тюркмень-кую и Кушъ-кую¹⁾. Въ 1530 г. Сеадеть-Гирей утверждаетъ за Ибрагимомъ эфендіемъ, какъ оказывается, изъ рода *Джагинскихъ*, землю, пожалованную ему Менгли-Гирею при д. Богасала, и прибавляетъ еще новый участокъ въ опредѣленныхъ въ ярлыкѣ границахъ²⁾. Предку *Джанкльчевыхъ* Сахибъ-Гирей пожаловалъ землю при д. Ташъ-Ярганъ, при чемъ эта земля оказалась во владѣніи Джанкльчевыхъ и при составленіи семейнаго ихъ списка въ 1820 году³⁾. Въ кадіаскерской книгѣ Муртазы сына Музафара

¹⁾ Дѣло о дворянствѣ Бораганскихъ. (Архивъ Тавр. Двор. Собр.).

²⁾ Дѣло о дворянствѣ Джагинскихъ. (Ibid.).

³⁾ Дѣло о дворянствѣ Джанкльчевыхъ. (Ibid.).

1655—1656 г. записанъ случай пожалованія въ 1641 г. Мухаммедъ-Гирею IV Кайтазь-агъ земли при Высшемъ Салгирѣ. Мы думаемъ, что получившій эту землю ага былъ изъ рода *Кайтазовыхъ* и что послѣдніе сдѣлались помѣщиками, благодаря пожалованію. *Картбійскіе*, подобно Джанкычевымъ, Джаминскимъ и др., были также изъ числа капу-халковъ. Одинъ изъ Картбійскихъ Заапъ-ага при Максудъ-Гирей ханѣ (1767—1768) владѣлъ дер. Картъ-Бабіемъ¹⁾. *Кондилъскіе* происходили также изъ капу-халковъ и получили за службу землю при Агачъ-эли. *Меркитскіе* имѣли владѣніе при д. Меркитъ также по пожалованію за службу, *Тайланскіе*—при д. Тайганъ, *Улановы* получили земли отъ Хаджи Гирея, а въ 1578 г. она была утверждена за ними ярлыкомъ Мухаммедъ-Гирея и т. д. Однимъ словомъ, большая часть помѣщиковъ-мурзъ, оказавшихся на лицо послѣ присоединенія Крыма, имѣли поземельное владѣніе, благодаря существовавшей въ ханствѣ помѣстной системѣ.

Мы называемъ ее „помѣстной“ потому, что она по своей исторіи имѣетъ сходство съ нашей помѣстной системой. Подобно послѣдней, она возникла изъ того же начала служебной зависимости, которое опредѣляло и наше помѣстное право; подобно нашей системѣ, она кончила переходомъ помѣстій въ вотчины.

Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли въ Крымскомъ ханствѣ существовало различіе между помѣстіемъ и вотчиной? Думаемъ, что такого различія въ дѣйствительности не было, такъ какъ имѣются документальныя указанія на то, что нѣкоторыми пожалованными землями владѣльцы распоряжались и передавали ихъ по наслѣдству или дарили. Такъ упомянутый выше Кайтазь-ага пожалованную ему въ 1641 г. землю *оставилъ* послѣ своей смерти въ *мегеръ* (приданное) женѣ. Далѣе Умеръ-бей, получивъ отъ Девлетъ Гирея землю при д. Джантемиръ-ага на р. Альмѣ, *подарилъ* часть этой земли нѣкому Эбуль-Гази. Это право распоряженія распространялось на многія отданныя за службу земли, какъ намъ кажется, потому, что государственный доменъ заключалъ въ себѣ много пустопорожнихъ земель, а изъ нихъ-то и отводились помѣстія. Но разъ пустопорожняя земля обрабатывалась, этимъ самымъ, какъ мы видѣли выше, она становилась собственностью того, кто ее воздѣлывалъ. На этомъ основаніи нѣкоторые помѣстія находились на правѣ полной собственности, какъ вотчины. Съ другой стороны, судя по тому, что ярлыки на нѣкоторые пожалованныя земли подтверждались послѣдующими ханами, полагаемъ, что подобныя земли составляли уже помѣстія, которыми владѣльцы не могли распоряжаться. Что касается

¹⁾ Дѣло о дворянствѣ Картбійскихъ. (Ibid.).

ханскихъ ярлыковъ, то въ нихъ не говорится о томъ, отдается ли земля въ полную собственность или въ пользованіе, а только сказано: „*во владѣніе*“. Слѣдовательно, въ ханствѣ не существовало точнаго разграниченія между тѣмъ, что называлось у насъ помѣстіемъ, и что—вотчиной. Поэтому вопросъ о правѣ собственности на пожалованную землю на практикѣ разрѣшался сообразно тому, отводилась ли она изъ пустопорожнихъ или обрабатываемыхъ. Въ первомъ случаѣ она становилась полною собственностью воздѣлывавшаго ее, во второмъ—ограниченною, узупруктомъ. Такъ или иначе, но съ теченіемъ времени и послѣдній родъ собственности пересталъ быть узупруктомъ, и въ результатѣ помѣстія сравнивались съ вотчинами. Изъ этого сліянія и возникло то землевладѣніе частнаго характера, которое по имени владѣльцевъ-мурзъ называлось вообще *мурзинскимъ*.

Но кромѣ земель, пожалованныхъ за службу, къ мурзинскому землевладѣнію относятся также тѣ земли, которыя пріобрѣтались мурзами путемъ купли-продажи, мѣны, даренія и т. д. И подобно тому, какъ основаніемъ права собственности на земли перваго рода служилъ авторитетъ ханской власти, утверждавшей земельное владѣніе особыми ярлыками, такъ и по отношенію къ второму рода землямъ доказательствомъ права собственности служила та же верховная санкція. Дѣйствительно мы видимъ, что владѣльцы земель, пріобрѣтенныхъ путемъ той или другой гражданской сдѣлки, для укрѣпленія своихъ правъ нерѣдко обращались къ ханской власти и получали отъ нея ярлыки на владѣніе. Въ такихъ случаяхъ уплачивалась извѣстная пошлина, которая первоначально состояла въ томъ, что хану подводилась лошадь. Впослѣдствіи же времени вмѣсто лошади взносились деньги, какъ это видно изъ ярлыка 1550 г., выданнаго Сахибъ-Гиреемъ Урусъ-оглу Тутанъ-Оглану, хотя выраженіе „жалую за подведенную лошадь“ по-прежнему фигурировало въ ярлыкахъ, но, конечно, не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Выдаваемые подобнымъ путемъ ярлыки служили „*крѣпостнымъ актомъ*“ (мюлькъ-наме)¹⁾, какъ объ этомъ ясно говорится въ нихъ, и имѣли „синюю печать и алую тамгу“, какъ особый знакъ. Въ случаѣ потери, выдавались въ обмѣнъ, съ уплатой обыкновенной пошлины, новые ярлыки, какъ это видно изъ ярлыковъ, данныхъ въ 1597 г. Гази-Гиреемъ Рамазанъ-баю, Ягмурчи Багадыру и Кагарману и жителямъ д. Чипчакъ: Джанъ-Сеидъ-Тюльпанъ-баеву и Мухаммедъ Исахъ-Суфіеву на земли, точно опредѣленные въ означенныхъ ярлыкахъ. Оказывается, что прежніе ихъ ярлыки, выданные Сахибъ-Гиреемъ, сгорѣли, и потому они

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ ярлыкъ подъ №№ 9 и 10.

просили Гази-Гирея выдать новые, что въ 1597 г. онъ и сдѣлалъ¹⁾. Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ и доказательствомъ мурзинскаго землевладѣнія служили ханскіе ярлыки.

Обращаясь теперь къ знакомству съ порядками, характеризующими внутреннюю сторону этого землевладѣнія, остановимся на отношеніяхъ поселянъ, жившихъ на мурзинской землѣ, къ владѣльцамъ-мурзамъ.

Разсматривая эти отношенія, мы должны отмѣтить прежде всего фактъ существованія мелкой поземельной собственности въ предѣлахъ мурзинскаго имѣнія. Она заключалась, во 1-хъ, въ *усадебныхъ* мѣстахъ и, во 2-хъ, въ тѣхъ *участкахъ земли*, которые, будучи призваны, по выраженію шеріата, къ жизни, становились собственностью того, кто ихъ обрабатывалъ и вслѣдствіе этого загораживалъ ихъ небольшимъ плетнемъ или камнемъ. Обыкновенно такіе огороженные участки находились въ горной части Крыма, тамъ, гдѣ представляется возможность имѣть *чаиръ* или *кору*, иначе говоря—лѣсной покосъ или пашню, годную для обработки. Какъ огороженные участки, такъ равно и усадебныя мѣста составляли собственность поселянъ. Право собственности ихъ на эти мѣста и участки доказывается, во 1-хъ, тѣмъ, что въ сохранившихся отъ ханскаго времени кадѣскерскихъ дефтеряхъ, куда записывались ханскими кадѣскерами копіи крѣпостныхъ актовъ, судебныхъ рѣшеній (*хоккумъ-наме*) по земельнымъ спорамъ, раздѣловъ и т. п. документовъ, мы находимъ массу запродажныхъ записей на *чаиры* и усадебныя мѣста. Напр. въ 1612 г. Ахметша бей покупаетъ у нѣкоего Мустафы „участокъ подъ чаиромъ“ (*чаирлыкъ*) на р. Альмѣ²⁾. Въ 1679 г. житель дер. Ени-Бинъ Батай Одобашъ продаетъ Музафару-агѣ въ числѣ другого имущества *дворовое* мѣсто и *кишлу*, т. е. мѣсто для пастбища зимою овецъ, слѣдовательно тотъ же *чаиръ*. Такую же *кишлу* Али-ага приобрѣтаетъ въ 1655 году отъ жителя д. Кучукъ-Мускомъ Баязета³⁾. Въ 1668 г. Аджи Усеинъ продаетъ ханскому казнадаръ-башѣ Халиль агѣ свою землю въ Каракуртскомъ кадълыкѣ, которая досталась ему по наслѣдству отъ его сестры, и съ нею „*кишлу* и *усадыбу*“⁴⁾. Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ указаній и ограничимся сдѣланными. Намъ кажется, что имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы на куплю-продажу поземельной собственности въ ханствѣ ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія вопросъ о принадлежности *усадебныхъ мѣстъ*, *чаировъ* и другихъ огороженныхъ мѣстъ поселянамъ. Во 2-хъ, когда Крымъ былъ при-

¹⁾ Ibid., ярлыкъ подъ № 7.

²⁾ Ibid., худжетъ подъ № 78.

³⁾ Ibid., худжетъ подъ № 72.

⁴⁾ Ibid., худжетъ подъ № 76.

соединенъ къ Россіи, и нѣкоторыя мурзинскія земли перешли во владѣніе русскихъ помѣщиковъ, то они очень удивились существованію въ предѣлахъ помѣщичьяго владѣнія усадебныхъ мѣстъ и загорожей, принадлежавшихъ поселянамъ, и въ большинствѣ случаевъ не признали подобной собственности, покуда „Высочайше утвержденныя правила, данныя Коммиссіею, учрежденной для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ“, не объявили усадебныя мѣста, „участки, сады и всякого рода угодья“—неоспоримою собственностью татаръ-поселянъ, на чьихъ бы они не были земляхъ. Такимъ образомъ, сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что находившіяся въ предѣлахъ мурзинскаго владѣнія усадебныя мѣста и другія огороженныя угодья: сады, чаиры, коры составляли собственность поселянъ, которою они могли распоряжаться по своему усмотрѣнію, могли продавать, дарить, закладывать.

Что касается отношеній поселянъ, жившихъ въ предѣлахъ мурзинскихъ земель, то эти отношенія ничѣмъ не регулировались и существовали въ силу обычая. Говоря вообще, поселяне были обязаны отбывать извѣстную работу помѣщику-мурзѣ, но количество и время этой работы не были опредѣлены. Когда крымская коммиссія 1802 г. стала собирать свѣдѣнія о повинностяхъ татаръ-поселянъ, живущихъ на владѣльческой землѣ, то получила самыя противоположныя свѣдѣнія. Депутаты отъ татаръ-поселянъ объяснили, что они исполняли мурзѣ разныя работы, возили хлѣбъ, сѣно, лѣсъ, а во время сѣнокоса или жатвы выходили на работу всей деревней, что называлось *толокою*, но дѣлали это исключительно по своему желанію, „особливо“, какъ выражаются они, „если мурза оказывалъ татарамъ какое-либо вспоможеніе“, и дѣлали это не по принужденію, а по своему желанію. Депутаты же отъ мурзъ заявили, что поселяне должны были работать владѣльцу отъ 8 до 10 дней въ году, при чемъ отбываніе этихъ рабочихъ дней составляло непремѣнную обязанность каждаго домохозяина, какъ бы барицину¹⁾. Но ни та, ни другая сторона не могла сослаться на какое-либо узаконеніе по этому поводу, а приводила въ основаніе существовавшій мѣстный обычай. Сообщаясь съ этимъ, Коммиссія нашла, что количество рабочихъ дней не должно превышать *восьми* дней и не быть менѣе *пяти*²⁾. Само собою разумѣется,

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ выписку изъ журнала. (16 мая 1805 г.) Коммиссія, учрежденной для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“ извлеченіе изъ дѣла 2 сентября 1809 г. № 14. „По предложенію г. Предсѣдательствующаго о повинностяхъ татаръ въ Таврической губерніи“.

что въ періодъ же существованія ханства точно опредѣленнаго количества и времени рабочихъ дней не существовало, а работали столько, сколько нужно было для веденія небольшого мурзинскаго хозяйства. Говоримъ небольшого на томъ основаніи, что мурза не занимался въ большихъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ, а предпочиталъ ему занятіе скотоводствомъ, которое составляло до послѣдняго времени главное занятіе крымскихъ помѣщиковъ. Конечно, при тѣхъ мирныхъ и патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между тогдашнимъ помѣщикомъ и селившимся въ предѣлахъ его владѣнія поселянами, послѣдніе, какъ сами признаются, работали въ пользу своего помѣщика и болѣе 8 дней въ году и устраивали ему даже *толоку* (помощь). Но дѣлалось это въ силу обычая, а не строго установленнаго правила.

Гораздо болѣе формальный характеръ имѣло обязательство уплачивать мурзѣ вообще установленную шеріатскими постановленіями десятую часть произведеній земли, называвшуюся *ашуръ* (ушуръ). Какъ видно изъ дѣла, разбиравшагося въ 1679 г. въ кадіаскерскомъ судѣ между джемаатомъ д. Башъ-Ойратъ и Шагинъ беемъ, болѣе состоятельные владѣльцы, какимъ былъ напр. Шагинъ бей, держали у себя особыхъ *сборщиковъ* (джааби) для сбора ушура¹⁾. Другіе, хотя и не имѣли сборщиковъ, тѣмъ не менѣе исправно получали слѣдующій ушуръ, ибо уплата этого налога входила въ кругъ не столько гражданскихъ, сколько религіозныхъ обязанностей правовѣрнаго.

Кромѣ участковъ земли, пріобрѣтаемыхъ поселянами въ собственность, жившіе въ предѣлахъ мурзинскаго имѣнія поселяне пользовались еще выгодною и лѣсомъ. Что дѣйствительно выгонъ находился въ *пользованіи* жителей, доказывается какъ документами, относящимися ко времени ханскаго владѣтельства въ Крыму, такъ равно и документами, относящимися къ періоду русскаго владѣтельства. Такъ мы имѣемъ копію ярлыка Джанибекъ-Гирея, объявленнаго ханскому кадіаскеру Мустафѣ (1608—1613 г.) по поводу жалобы жителей дер. Отузъ на Якубъ-шейха и Аджи Мегметъ челеби, взимающихъ плату за пастбу овецъ. Жители жаловались, что упомянутые Якубъ-шейхъ и Аджи Мегметъ челеби „желаютъ получить противно шеріату и закону за пастбу нашихъ овецъ по одной акъэ за каждую; по закону мы давали шешликъ (шестую часть приплода?), а больше этого—ничего; они установили несуществующее (бидаатъ с'ейе) и несообразное“. Дѣйствительно, ханъ призналъ плату за пастбу овецъ „несообразною“ и предписалъ кадіаскеру объявить о томъ жалобщикамъ. При этомъ достойно замѣчанія, что въ ханскомъ предписаніи, данномъ по тому же поводу Якубъ-шейху и Аджи Мегмету челеби, ханъ выражается

¹⁾ Моя „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“, 19 стр.

такъ: „въ нашемъ вилайетѣ нѣтъ платы за пастбу овецъ; ходятъ онѣ гдѣ имъ угодно, дозволяется пасти ихъ на всѣхъ пастбищныхъ мѣстахъ“¹⁾. Изъ числа документовъ второго рода укажемъ на свидѣтельство депутатовъ отъ татаръ-поселянъ и помѣщиковъ-мурзъ, одинаково подтвердившихъ фактъ пользованія поселянами мурзинскимъ выгономъ. Спрошенный объ этомъ Крымской Коммиссіей таврической губернской предводитель дворянства 18 сентября 1808 г. пишетъ: „за выгонную землю, на коей кормится и пасется скотъ, помѣщику ничего не платятъ живущіе въ той дачѣ татары, ибо за то работаютъ условленные дни“²⁾. Хотя мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что рабочіе дни отбывались именно за пользованіе выгономъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что поселяне, жившіе на мурзинской землѣ, пользовались мурзинскимъ выгономъ. При этомъ необходимо замѣтить, что никакихъ указаній, которыя опредѣляли бы это пользованіе, не найдено нами въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документахъ.

На такомъ же правѣ пользованія, но уже болѣе ограниченномъ, находился на мурзинской землѣ лѣсъ. Это право основывалось на извѣстномъ намъ принципѣ шеріатскаго ученія, въ силу котораго все существующее на землѣ безъ помощи человѣческаго труда, въ томъ числѣ и лѣсъ, не можетъ быть чьей-либо исключительною собственностью. На этомъ основаніи лѣсъ даже въ предѣлахъ мурзинскаго владѣнія не составлялъ исключительной принадлежности владѣльца, но находился также и въ пользованіи поселянъ, жившихъ въ предѣлахъ мурзинской земли. Судя по упомянутому выше объясненію таврическаго предводителя дворянства, поселяне безпрепятственно пользовались лѣсомъ на мурзинской землѣ, но только для своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Что же касается пользованія лѣсомъ для продажи или какихъ либо другихъ коммерческихъ цѣлей, то оно было, по словамъ депутатовъ, дававшихъ объясненіе Крымской Коммиссіи, ограничено извѣстной платой въ пользу владѣльца. Гораздо опредѣленнѣе высказалась по этому вопросу сама Коммиссія, а именно 28 п. *Положенія о татарахъ-поселянахъ Таврической губерніи* 20 сентября 1809 г. предоставлено поселянамъ право пользоваться лѣсомъ „для отопленія и поправокъ домашнихъ, считая ежегодно по одной десятинѣ на вырубку, и отдавать за то помѣщику десятый возъ или десятое полѣно съ вывозимаго“. Такимъ образомъ не только въ эпоху существованія ханства, но и послѣ нея, высказывалось мнѣніе, что

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ ярлыкъ подъ № 38.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“ выписку изъ журнала (16 мая 1805 г.) „Коммиссіи учрежденной для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ“.

лѣсъ, подобно выгону, долженъ находиться въ общемъ пользованіи владѣльца и живущихъ на его землѣ поселянъ.

VI.

Поселянское землевладѣніе; составъ его. 1) *Владѣніе джемаата* (общинное владѣніе). Джемаатъ, какъ юридическая и социально-экономическая единица въ ханствѣ; документальныя указанія. Общинное владѣніе землей вообще; владѣніе выгономъ, сѣнокосомъ, пахотью; захватный и паевой порядокъ пользованія общинной землей; чрезполосность; владѣніе лѣсомъ. Образование подворной и частной собственности; захватъ и „оживленіе мертвой природы“; борьба джемаата съ частными владѣльцами. Право родоваго и сосѣдскаго выкупа (*шефаа*). Виды общественной кооперации. Различіе степной общины отъ горной. 2) *Общее владѣніе*. Сущность его; признаніе его шеріатомъ; общее владѣніе родственниковъ.

Слѣдующей формой землевладѣнія частнаго характера была—*поселянская* собственность. Она заключалась, во 1-хъ, какъ мы уже видѣли, въ усадебныхъ мѣстахъ и разныхъ угодіяхъ: садахъ, чапрахъ и другихъ загороженныхъ участкахъ земли, составлявшихъ личную собственность поселянъ на чьихъ бы то ни было земляхъ: казенныхъ, бейскихъ или мурзинскихъ, и, во 2-хъ, въ особаго рода владѣніяхъ, составлявшихъ достояніе всего поселянскаго общества. Что касается поземельной собственности перваго рода, то о ней выше было сказано. Намъ остается теперь заняться вторымъ видомъ ея, именно владѣніемъ, образовавшимъ ту поземельную форму въ ханствѣ, которую мы назовемъ *владѣніемъ джемаата*.

Это поземельное владѣніе принадлежало татарской сельской общинѣ или джемаату. Съ исторіей образованія джемаата, какъ извѣстной общественно-экономической единицы въ ханствѣ, мы познакомились выше. Намъ нужно показать теперь, въ чемъ состояло его поземельное владѣніе, каковы были внутренніе его распорядки, и какое мѣсто занимало оно среди другихъ поземельныхъ формъ ханства.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ изученію этого вопроса, скажемъ нѣсколько словъ для доказательства того, что джемаатъ дѣйствительно существовалъ въ ханствѣ и при томъ въ качествѣ официально признанной единицы. Такой единицей фигурируетъ джемаатъ въ документахъ, какъ относящихся ко времени ханскаго владычества въ Крыму, такъ и относящихся ко времени послѣ присоединенія Крыма.

Обращаясь къ первымъ изъ нихъ, мы находимъ, что джемаатъ признавался общественно-экономической единицей ханства центральной властью. Мы имѣемъ нѣсколько тарханныхъ ярлыковъ, которые ханъ давалъ джемаатамъ. Однимъ изъ такихъ Гази-Гирей I въ 1588 г. освобождаетъ „джемаатъ Байкы-Кулыке-Хаджія“ отъ выволочки соли. Другой освободительный листъ выданъ тѣмъ же ханомъ „Кучинскому джемаату“. Третій ярлыкъ выданъ въ 1705 г. Гази-Гиреемъ III джемаату Улакъ-Бердынского Кипчака о томъ, что онъ не состоитъ въ числѣ подданныхъ Шпринскихъ и Барынскихъ беевъ¹⁾.

Но гораздо болѣе интересныя свѣдѣнія для опредѣленія внѣшняго положенія въ ханствѣ джемаата сообщаютъ намъ кадіаскерскія дефтеры. Въ нихъ содержится множество судейскихъ рѣшеній, въ которыхъ джемаатъ подъ собственнымъ названіемъ или подъ переноснымъ „ехали“, обозначающимъ дословно „жители“, фигурируетъ въ качествѣ самостоятельнаго юридическаго лица.

Такъ а) джемааты дер. Монай, Насырь, Карачора, Кобазы, Джааби, Джума-Месчитъ, Кипчакъ, Агтачи, Джангиръ, Тоичи, Улакы, Бора, Челебилеръ, Вейратъ-Акча, Дуванкой, Аджиной, Кочкаръ-Аджи, Акъ-Шеихъ, Мехмедъ-Али, Дуванъ-Эли и Ботанай выступили на судѣ въ качествѣ *истца* лично, джемаатъ дер. Джанъ-Баба — чрезъ уполномоченнаго Арслана эфендія, а джемааты дер. Кирмачи, Нургельды и Костель — чрезъ представителей; б) джемааты дер. Асъ, Кирмачи, Нургельды, Костель, Арамкой, Мамашай, Башъ-Ойратъ, Коктюинъ, Кенегесъ и Бахсанъ — въ роли *ответчиковъ*; в) джемааты дер. Кипчакъ, Чондалай и Юнусъ-Афусъ въ качествѣ *свидѣтелей*, и г) джемааты дер. Терп-Хафисъ, Алмантай и Джааферли въ роли *продавцовъ земли*, а джемаатъ дер. Кирмачи — *покупателя*²⁾. Кромѣ того въ кадіаскерской книгѣ Мегмета Аджи мы имѣемъ два случая *круговой ответственности* джемаата, подвергнувшагося *діэту* (особому взысканію въ родѣ нашей дикой виры) за найденный на общественной землѣ трущъ неизвѣстно кѣмъ убитаго челоуѣка. Джемаатъ дер. Шибанъ Насыфъ-Тамаксаго кадылыка 50 разъ присягалъ, доказывая этимъ свое неучастіе и невѣдѣніе, тѣмъ не менѣе долженъ былъ заплатить за найденный трущъ діэтъ. Такому же діэту, въ размѣрѣ 24 акча съ каждаго изъ 180 дворовъ, подверглись въ другой разъ и джемааты деревень, расположенныхъ по Салгиру: Ада, Базаръ

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ ярлыки подъ №№ 13 и 14.

²⁾ Моя „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“, 26 стр. Также см. въ „Сборникѣ“ судейскія рѣшенія подъ №№ 81, 86, 87, 93, 97, 98, 102, 103, 106, 108, 109, 115 и 116 и бюджетъ подъ № 63.

и Бахылкакъ¹⁾. Такимъ образомъ джемаатъ является на судѣ въ полномочіи не только гражданскихъ своихъ правъ, но и кромѣ того отвѣтственнымъ за круговой порукой въ уголовныхъ дѣлахъ, при чемъ въ приведенномъ перечнѣ мы имѣемъ сорокъ два названія джемаатовъ. Если же мы прибавимъ къ этому имена тѣхъ джемаатовъ, которые упоминаются при опредѣленіи границъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше джемаатовъ, то число ихъ увеличится четырнадцатью новыми. Это джемааты дер. Бешевле, Бузавъ-бай, Найманъ, Али-Кечъ, Уланъ-Эли, Бузау, Итиұл, Тешевли, Ички, Борулчи, Асма, Бешаранъ, Аргинчикъ и Теренанръ.

Приступая къ разсмотрѣнію документовъ, относящихся къ періоду послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, мы остановимся сначала на самомъ раннемъ изъ нихъ, именно на извѣстномъ уже намъ „Описаніи“ (1787 г.) земель, поступившихъ въ казну послѣ выѣхавшихъ за границу татаръ и выведенныхъ въ 1779 г. въ Мариупольскій уѣздъ грековъ. Въ немъ мы находимъ описанными въ казну земли, принадлежащія, по нашимъ свѣдѣніямъ, тринадцати общинамъ, а именно: а) Бахчисарайскаго каймаканства и кадылыка дер.: *Топчиной, Джангиръ, Кобазы* и Каракуртскаго кадылыка—*Бешевле*; б) Акмечетскаго каймаканства Зунискаго кадылыка—*Бешаранъ* и Салгирскаго кадылыка—*Вейратъ*; в) Козловскаго каймаканства: Бойнакскаго кадылыка—*Кенегесъ*, Тарханскаго кадылыка—*Джанъ-Баба* и *Кипчакъ* и Самарчикскаго кадылыка—*Асъ*; г) Перекопскаго каймаканства Самарчикскаго кадылыка—*Али-кечъ*, Каракуртскаго кадылыка—*Бузау* и д) Кефинскаго каймаканства Кучукъ-Карасовскаго кадылыка—*Аргинчикъ*²⁾. Слѣдовательно, это земли тѣхъ общинъ, которыя упоминаются въ кадіаскерскихъ книгахъ и которыя выше нами уже приведены. Какъ видно изъ „Камеральнаго описанія о дачахъ Крыма 1802 года“, имѣющаго и нынѣ документальное значеніе для исторіи землевладѣнія въ Крыму, часть этихъ земель была, какъ мы увидимъ ниже, роздана послѣ присоединенія Крыма, по пожалованію. При этомъ въ казну поступили и были розданы еще слѣдующія земли, принадлежащія, какъ мы думаемъ, общинамъ, на томъ основаніи, что собственники этихъ земель владѣли ими, какъ сказано въ „Камеральномъ описаніи“—„общо съ казенными татарами“. Это были земли джемаатовъ, знакомыхъ намъ по кадіаскерскимъ дефтерямъ и значащихся выше въ числѣ упомянутыхъ нами пятидесяти шести джемаатовъ; вотъ они: Акмечетскаго уѣзда: Джума-Месчитъ,

¹⁾ Моя „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“, 24 и 49 стр.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“ извлеченіе изъ Камеральнаго Описанія землямъ и садамъ, составленнаго Абдулъ Хамитъ агой и Караценовымъ.

Дуванкой, Арамкой, Акъ-Шенхъ, Кой-эли, Улакы и Евпаторійскаго уѣзда—Монай¹⁾).

Если теперь отъ этихъ „Описаній“ мы перейдемъ въ Вѣдомостямъ, составленнымъ въ 1805—1806 г. о всѣхъ селеніяхъ Таврической губерніи съ показаніемъ въ нихъ числа дворовъ и душъ и земли, на которой находится поселеніе, то увидимъ, что не смотря на выселеніе татаръ изъ Крыма и раздачу земель русскимъ помѣщикамъ въ окружной дачѣ съ татарскими общинами, многіе изъ перечисленныхъ нами выше пятидесяти шести джемаатовъ еще существовали въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и поземельное ихъ владѣніе опредѣлено какъ общинное. Дѣло въ томъ, что въ этихъ вѣдомостяхъ мы нашли слѣдующія селенія, земля которыхъ, какъ сказано въ вѣдомости, принадлежитъ „жителямъ“: а) Евпаторійскаго уѣзда—Кипчакъ (Кудайгульской волости), Карачора, Камбаръ, Кипчакъ, Чондалай, Нургельды, Денизь-Байчи (Хоротокіатской волости), Аликечь, Кадивъ (Джеланрейской волости), Гасанъ-Аджи (Урчутской волости) и Конче (Тулатской волости); б) Феодосійскаго уѣзда—Джепаръ-Берды (Кадиклейнинской волости), Насырь и Огузь-тепе (Парпатской волости) и г) Перекопскаго уѣзда—Кіать (Бустерчинской волости), Джаниминъ, Бешевли, Кирмачи (Кучукъ-Кабачекской волости) и Аджи-Вейратъ (Кокъчора-Кіатской волости). Всѣ эти девятнадцать татарскихъ селеній составляли въ началѣ настоящаго столѣтія общины и, судя по названію и по мѣстоположенію ихъ, были изъ числа тѣхъ, которыя названы джемаатами въ кадіаскерскихъ книгахъ.

Чтобы исчерпать вполне свѣдѣнія нашихъ документовъ, относящихся къ періоду русскаго владычества въ Крыму по вопросу объ юридическомъ значеніи сельской татарской общины, приведемъ еще слѣдующія указанія.

1-е). Когда указомъ Сената 19 октября 1794 года было разрѣшено простымъ татарамъ владѣть землею на правѣ полной собственности, то въ качествѣ продавцовъ поселянской собственности явились татарскія общества, совершавшія купчія на продажу земли „цѣлыми округами“. На этомъ основаніи Таврическая Палата Гражданскаго и Уголовнаго Суда, имѣя въ виду, что „поселяне, распродавъ свои земли, кои они обрабатывали, могутъ довести себя до таковаго состоянія, что имъ негдѣ будетъ жить“, находила нужнымъ не совершать болѣе купчихъ, закладныхъ и другихъ сдѣлокъ на земли, лежащія въ округѣ той или другой деревни²⁾).

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ выписъ изъ „Камеральнаго Описанія о дачахъ Крыма 1802 года“.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“ донесеніе правителю Екатеринославскаго намѣстничества Хорвату Таврической Палаты Гражданскаго Суда № 627 Сен-тября 6 д. 1796 года.

2-е). Далѣе, когда была учреждена первая Коммиссія для разбора жалобъ татаръ о неправильномъ отобраніи у нихъ земель и въ 1800 г. открыла свои дѣйствія, то въ числѣ первыхъ жалобъ мы находимъ жалобы тѣхъ общинъ, съ которыми мы познакомились по кадіаскерскимъ книгамъ. Таковы жалобы обществъ: дер. Дуванкой, Актаци, Джангиръ, Акъ-Шейхъ, а 20 іюля того же 1800 г. поступило прошеніе „разныхъ деревень на р. Качѣ состоящихъ отъ жителей повѣреннаго Наипъ эфендія съ товарищами“.

Наконецъ, 3-е) когда Высочайше учрежденная Крымская поземельная Коммиссія составила въ 1809 г. Положеніе о татарахъ поселянахъ Таврической губерніи, то 14 п. этого Положенія былъ засвидѣтельствованъ фактъ существованія татарской общины¹⁾. Положеніемъ же Высочайше утвержденнымъ 28 сентября 1827 года она официально была признана²⁾.

Окончивъ изложеніе нашихъ свѣдѣній по вопросу о внѣшнемъ положеніи джемаата, перейдемъ теперь къ изложенію внутреннихъ его порядковъ, укажемъ, въ чемъ состояло его землевладѣніе, въ какихъ формахъ осуществлялось поземельное его право, и какое мѣсто оно занимало въ общей системѣ крымско-татарскаго землевладѣнія.

Нужныя свѣдѣнія по этому вопросу мы почерпаемъ изъ тѣхъ же документовъ кадіаскерскаго суда, на которые мы выше ссылались и въ которыхъ содержится богатый матеріалъ для опредѣленія вотчиннаго права джемаата. Объединяя свѣдѣнія, доставляемые этими документами, мы находимъ слѣдующее.

1) Земля признается *общей собственностью* — „мюлькъ муштерекъ“ вообще, независимо отъ того, составляетъ ли она нахоть, выгонъ, лѣсъ и т. д. Такъ, въ 1611 г. кадіаскерскій судъ призналъ земли, находящіяся въ Джаркую, принадлежащими *въ равныхъ доляхъ джемаату дер. Вейратъ-Акчай и Коктюгенъ*³⁾. Въ 1613 г. Монайскій джемаатъ жаловался суду, что Асскій самоправно завладѣлъ двумя участками земли вблизи общей границы. Разобравъ дѣло и выслушавъ свидѣтелей, кадіаскеръ призналъ спорные участки *собственностью жителей дер. Монай*⁴⁾. Въ 1652 г. Сеферъ-Гази оспаривалъ у ехали д. Кирмачи право на землю при д. Алмантай. Отвѣтчикъ представилъ

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ выписка изъ дѣла „по предложенію г. Предсѣдательствующаго Коммиссіи о повинностяхъ татаръ въ Таврической губерніи“ 2 сентября 1809, № 11.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 1417, за 1827 г.

³⁾ Судейское рѣшеніе въ моей „Сельской Общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ“, 16 стр.

⁴⁾ См. въ „Сборникѣ“ судейское рѣшеніе подъ № 81.

документъ на владѣніе земель. Въ виду этого, а также давности владѣнія кадіаскеръ призналъ спорную землю, *принадлежащей Кирмачинскому ехали*¹⁾. Въ 1656 году кадіаскеръ разобралъ споръ двухъ джемаатовъ дер. Насырь и Огузь-Тепе относительно границы принадлежащихъ имъ земель и возобновилъ ту самую границу, которая раньше была проведена земельнымъ кадіемъ Шакирь-эфендіемъ „для того, чтобы Огузь-Тешинскіе жители не касались бы земли на Насырской стороны, а Насырскіе не касались бы Огузь-Тешинской“²⁾. Въ 1678 году по дѣлу извѣстнаго Субханъ Гази Аги съ Бахсанскимъ ехали спорная земля признана общественной и присуждена послѣднему³⁾ и т. д.

2) Сообразно способу веденія хозяйства, общинная земля цѣпилась прежде всего—какъ *выгонъ*. Изъ числа земельныхъ дѣлъ, разобранныхъ кадіаскерами, большая часть ихъ относится къ выгону. При этомъ оказывается, что выгонъ находился въ общемъ владѣніи не одного, а нѣсколькихъ джемаатовъ. Напр. въ 1681 году судились изъ-за выгона Джанъ-Бабаскій джемаатъ съ Кенегезскимъ. Между ними состоялось раньше мирное соглашеніе считать выгонъ общимъ, но Кенегезскій не согласился, вслѣдствіе чего пришлось обратиться къ кадіаскеру. Послѣдній, разобравъ дѣло, призналъ спорную землю „*общимъ пастбищнымъ мѣстомъ*“⁴⁾. Въ 1679 г. разбиралось дѣло четырехъ джемаатовъ: Актачи, Джангиръ, Терп-Хафсы и Топчи съ Арамкойскимъ джемаатомъ относительно урочища „Карадагъ“. Кадіаскеръ призналъ спорное урочище *общимъ для всѣхъ пяти джемаатовъ выгономъ*⁵⁾. Подобнаго же рода дѣло было возбуждено въ 1719 году джемаатами дер. Кочкаръ-Аджи, Ботанай, Мехмедъ-Али, Диванъ-Эли, Акъ-Шенхъ, Джегенгиръ, Топчиной и Аджикой съ 16-ю жителями дер. Дуванкой. Судъ присудилъ считать спорную землю *общимъ пастбищнымъ мѣстомъ* какъ истцовъ, такъ и отаѣтчиковъ⁶⁾.

Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что выгонъ составлялъ общее достояніе всѣхъ членовъ одного джемаата, тѣмъ болѣе; что мы имѣемъ указанія на принадлежность выгона не одному, а даже нѣсколькимъ джемаатамъ. Приведенныя указанія по нашему мнѣнію,

¹⁾ См. въ „Сборникъ“ судейское рѣшеніе подъ № 86.

²⁾ Ibid., судейское рѣшеніе подъ № 93.

³⁾ Судейское рѣшеніе въ моей „Сельской Общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ“, 15 стр.

⁴⁾ Ibid., 10 и 11 стр.

⁵⁾ См. въ „Сборникъ“ судейское рѣшеніе подъ № 108.

⁶⁾ Ibid., судейское рѣшеніе подъ № 115.

достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что джемаатъ цѣнилъ прежде всего интересы общиннаго владѣнія выгономъ, и потому выгонъ находился нерѣдко въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ джемаатовъ, въ особенности же въ горной части Крыма, гдѣ, вслѣдствіе физическихъ условій мѣстности, пастбищныя мѣста должны занимать болѣе или менѣе обширный районъ, чтобы содержать сборное стадо.

Что касается способа пользованія выгономъ, то, насколько намъ извѣстно, онъ ничѣмъ не регулировался. Какъ и теперь во многихъ татарскихъ общинахъ не существуетъ никакихъ ограниченій относительно пастбы скота и овецъ на общественной землѣ, такъ и прежде каждый членъ джемаата выпускалъ на пастбище столько скота и овецъ, сколько могъ и хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что община содержала одно сводное стадо.

3) Вслѣдъ за пастбищемъ земля цѣнилась джемаатомъ—какъ *сѣнокосъ*. Подобно выгону и сѣнокосъ находился въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ безъ различія членовъ джемаата, и при этомъ не одного джемаата, а нерѣдко и нѣсколькихъ вмѣстѣ. Это видно какъ изъ вышеупомянутого дѣла 1679 г. относительно „Карадага“, такъ равно изъ дѣла 1678 г. относительно земли, захваченной Субханъ-Газы-агой у Бахсанскаго ехали. Изъ перваго дѣла оказывается, что „Карадагъ“ служилъ помимо выгона еще сѣнокосомъ, общимъ для пяти джемаатовъ, а изъ втораго,—что захваченная Субханъ-Газы-агой земля служила *общественнымъ* сѣнокосомъ.

Въ чемъ же заключался порядокъ пользованія сѣнокосомъ? Судя потому, что въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документахъ мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на этотъ счетъ, думаемъ, что такого порядка и не было, вслѣдствіе чего каждый членъ общины косилъ тамъ, гдѣ ему хотѣлось. Современные указанія подтверждаютъ, что захватный способъ существовалъ нѣкогда въ полной силѣ, ибо до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ татарскихъ общинахъ, напр. въ Казинтинѣ Феодосійскаго уѣзда, сѣнокосъ не распредѣляется, а каждый коситъ тамъ, гдѣ хочетъ и сколько можетъ. Въ тѣхъ же общинахъ, гдѣ сѣнокосъ находится теперь въ подворномъ или пастѣдственномъ пользованіи, напр. въ д. Айсерезѣ, Арпатѣ, Воронѣ, прежде онъ составлялъ, по показанію самихъ жителей, общинную собственность, распавшуюся на частную путемъ захвата.

Но если степной сѣнокосъ, благодаря болѣе обширнымъ своимъ размѣрамъ и сравнительно небольшому требованію, оставался въ свободномъ и ничѣмъ неограниченномъ пользованіи, то луговой сѣнокосъ, вслѣдствіе незначительности своей территоріи, былъ, какъ кажется, въ ограниченномъ пользованіи. По крайней мѣрѣ къ этому выводу мы приходимъ на основаніи раздѣльныхъ актовъ, относящихся къ XVIII в., такъ какъ въ нихъ

мы находимъ передачу по наслѣдству извѣстнаго *пая* луговаго сѣнокоса. Значить луговой сѣнокосъ могъ быть раздѣленъ на извѣстныя пай, которые впослѣдствіи времени вышли изъ подъ владѣнія джемаата и стали передаваться по наслѣдству.

Какъ произошло это превращеніе общинной собственности въ личную, будетъ указано ниже при изученіи вопроса вообще объ измѣненіяхъ, которымъ подвергся джемаатъ въ дальнѣйшей своей исторіи. Теперь для насъ важно лишь отмѣтить то, что пользованіе луговымъ сѣнокосомъ было ограничено.

4) Хотя *хлѣбопахотная земля* въ общей системѣ крымско-татарскаго хозяйства имѣла меньшее значеніе, чѣмъ выгонъ или сѣнокосъ, тѣмъ не менѣе джемаатъ ревниво оберегалъ принципъ общиннаго обладанія ею. Укажемъ слѣдующіе примѣры. Монайскій джемаатъ жаловался, что Асскій завладѣлъ частью общинной земли и вспахалъ ее. Судъ возстановилъ право владѣнія и вернулъ захваченную землю истцу. Карачорынцы такъ заявили на судѣ: „земля, граничащая съ юга землею дер. Отешь, съ сѣвера землею дер. Карачора, съ востока — землею дер. Телешъ и запада землею дер. Нургельди и *хлѣбопахотныя* и выгонныя земли, называемыя „Ени-Чиврау-еры“, находящіяся въ извѣстныхъ границахъ, составляютъ нашу *общую* (муштерекъ) землю“. Хотя спорная земля и была раздѣлена между этими двумя джемаатами, тѣмъ не менѣе она составляла общинное достояніе каждаго изъ нихъ¹⁾. Точно также Насырскій и Огузъ-Тешинскій джемааты владѣли сначала сообща хлѣбопахотной землею, а потомъ раздѣлили ее на двѣ части прямой линіей, „начиная отъ конца хлѣбопахотной земли на Кенегесъ“ и т. д.²⁾. Отсылая интересующихся остальными данными къ помѣщаемымъ ниже документамъ, ограничимся приведенными примѣрами. Изъ нихъ мы видимъ, что хлѣбопахотная земля дѣйствительно представляла цѣнность для джемаата и, подобно выгону и сѣнокосу, находилась во владѣніи всѣхъ членовъ его.

Что касается порядка пользованія пахотной землею, то онъ также мало былъ опредѣленъ, какъ и порядокъ пользованія сѣнокосомъ и выгономъ. Если пахоть оставалась свободной отъ выгона или сѣнокоса, то каждый изъ общинниковъ занималъ ее въ нужной для себя мѣрѣ; проведенная имъ на занятомъ участкѣ борозда устанавливала право пользованія того, кто рѣшался приложить „свою руку, чтобы оживить мертвую природу“. Начало захвата, столь приложимое по отношенію къ выгону и сѣнокосу, практиковалось въ широкой степени и по отношенію къ пахотной землѣ тѣмъ болѣе,

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ судебское рѣшеніе подъ № 98.

²⁾ Ibid., судебское рѣшеніе подъ № 93.

что при обилии свободных земель и незначительности пространства пахоти, послѣдняя не занимала опредѣленнаго мѣста, а располагалась, гдѣ попало. Подобный захватъ можно наблюдать и теперь во многихъ татарскихъ общинахъ. Для примѣра можно указать на общины въ д.д. Сарайминъ, Ебитавъ и Копкачегенъ (Оеод. уѣзда), гдѣ „каждый пашетъ тамъ, гдѣ ему угодно и сколько угодно“ и гдѣ „никакихъ установленныхъ нормъ нѣтъ для пользованія“, или въ д. Отешь-Эли (Мангушской волости Симферопольскаго уѣзда) и д. Чокурча (Сарабузской волости Симферопольскаго уѣзда), гдѣ „величина запашки отдѣльнаго домохозяина зависитъ отъ его силы и желанія“¹⁾ и т. д.

Но наряду съ захватнымъ способомъ пользованія существовала нѣсколько болѣе опредѣленная, но менѣе распространенная форма. Это—форма распределенія пахотной земли на *пай*, при существованіи которой каждый изъ жителей деревни становился *содольщикомъ* (шерикомъ) общинной собственности. Самое слово *пай*, по указанію Даля, татарскаго происхожденія. Когда 25 сентября 1808 года Высочайше учрежденная Крымская поземельная коммиссія спросила у состоящихъ при ней депутатовъ-магометанъ, какія земельныя мѣры существовали въ ханствѣ, то они въ числѣ другихъ (занъ, билюкъ, ярымча, тахта), помѣстили и *арканъ*, о которомъ сказали слѣдующее: „арканъ употребляется въ округахъ, которые раздѣлены на части, напр. на 12, 15, 24 и 28 и называются пай; пай же значить участокъ; сей пай раздѣляютъ между собою арканомъ въ 12 саженой и мѣряютъ поперечь каждому, кто имѣетъ одинъ пай—ему одинъ арканъ, другой имѣетъ два—тому же столько же и т. д.“. Землемѣры, находившіеся при Коммиссіи Никифоровъ и Козловъ перевели арканъ на русскую мѣру и нашли, что площадь аркана въ одномъ пай будетъ составлять 144 квадр. саж., въ двухъ—288 кв. с., въ $3\frac{1}{2}$ —504 кв. с.²⁾ и т. д. Изъ объясненія депутатовъ и вычисленія землемѣровъ Коммиссія нашла, что подъ паемъ понималась извѣстная доля земли, находящейся въ общемъ владѣніи, и, слѣдовательно, паевое владѣніе состояло въ томъ, что общая округа дѣлилась въ ширину на арканы, т. е. на участки, имѣющіе 12 саж. въ ширину, а въ длину—до конца округи и на каждый такой участокъ приходилось по одному аркану или паю. Хотя въ приведенномъ объясненіи говорится болѣе объ общемъ владѣніи чѣмъ общинномъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые джемааты устанавливали тѣ или другія формы пользованія общинной землей, разбивая ее на арканы и предоставляя каждому изъ своихъ членовъ извѣ-

¹⁾ Моя „Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ“, 40 стр.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“ выписку изъ дѣла 1804 г. сентября 25 дня № 89 „о приведеніи мѣръ татарскаго именованія въ Россійское именованіе“.

стный пай. И дѣйствительно на такіе пай была раздѣлена земля между Карачорынскимъ и Нургельдинскимъ джемаатомъ, какъ объ этомъ прямо заявили Нургельдинцы. Изъ дѣла же джемаата дер. Вейратъ-Акчай съ джемаатомъ Коктюинъ относительно земель, „находящихся въ Джаркую“ видно, что эти земли, вслѣдствіе происшедшаго спора, были раздѣлены въ правленіе Гази-Гирея II на „равныя доли“, при чемъ межевые знаки были проведены плугомъ. А каковы въ дѣйствительности были пай видно изъ худжета 1679 г. на проданные Ботай-Одобашемъ два пая земли при дер. Енибинъ Каракуртскаго кадылыка. Эти два пая образовались, какъ объяснилъ продавецъ, „изъ числа принадлежащихъ всей деревнѣ 22 паевъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ тридцать зановъ, а два пая составляютъ 60 зановъ“¹⁾.

Что паевой порядокъ пользованія могъ существовать одновременно съ первобытнымъ захватомъ доказывается современными наблюденіями. Дѣйствительно рядомъ съ общинами, практикующими въ полной силѣ захватъ, существуютъ общины, распределяющія земли на извѣстныя пайки. Напр. въ Барынѣ общинная земля дѣлится на 61 пай по числу домохозяевъ, въ Ойсулѣ на 11 паевъ, въ Калымтаѣ каждый годъ передъ посѣвомъ дѣлятъ землю на 90 ярмъ, и на каждое такое ярмо выдѣляется по $\frac{1}{4}$ десятины для посѣва и т. д.²⁾. Однимъ словомъ въ нѣкоторыхъ изъ нынѣ существующихъ общинъ пользованіе земель болѣе или менѣе урегулировано.

Не смотря на существованіе паеваго порядка пользованія общинной землей, господствующей формой оставался все таки первобытный захватъ.

Само собою разумѣется, что благодаря господству захвата, въ татарской общинѣ существовалъ, какъ и до нынѣ существуетъ, полный беспорядокъ. И въ самомъ дѣлѣ возьмемъ для примѣра какую-либо общинную землю. Она представляетъ изъ себя во 1-хъ выгонъ, территорія котораго неопредѣлена и пользованіе которымъ ничѣмъ не урегулировано; во 2-хъ сѣнокосъ, находящійся въ различныхъ мѣстахъ и служащій предметомъ захвата и въ 3-хъ пахотные участки, которыми исецщруется общинная земля въ разныхъ направленіяхъ. Слѣдовательно о какой-нибудь системѣ хозяйства не можетъ быть и рѣчи; здѣсь все смѣшивается и переплетается: выгонъ съ сѣнокосомъ, сѣнокосъ съ пашнями, одни только сады и огороды располагаются въ нѣкоторомъ порядкѣ по поливнымъ мѣстамъ. Въ общинахъ же, расположенныхъ въ горной мѣстности Крыма пестрота и разнообразіе еще болѣе увеличиваются присоединеніемъ лѣсныхъ покосовъ, горныхъ пастбищъ и луговыхъ мѣстъ.

1) См. въ „Сборникѣ“ худжетъ подъ № 78.

2) Моя „Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ“, 47 стр.

5) Наконецъ *мѣс* составлялъ общинную собственность не одного только джемаата, но и сосѣднихъ, разъ послѣдніе не имѣли собственного *лѣса*. Вообще принципъ свободного, ничѣмъ неограниченнаго, коллективнаго пользования примѣнялся по отношенію къ *лѣсу* въ болѣе степени, чѣмъ по отношенію къ какой либо другой хозяйственной статьѣ. Такое широкое примѣненіе указаннаго принципа происходило, конечно, подѣ влияніемъ извѣстнаго намъ ученія шеріата о свободномъ отношеніи человека къ тому, что существуетъ на поверхности земли безъ помощи человеческого труда.

Такимъ образомъ джемаатъ дѣйствительно былъ собственникомъ всей земли, принадлежащей данному селенію, причемъ принципъ общиннаго владѣнія былъ приложимъ не къ одному какому либо роду хозяйства, а ко всѣмъ, взятымъ вмѣстѣ.

Исключеніе составляли загороженные участки, заключавшіе въ себѣ садъ, огородъ или какое либо другое угодіе, требовавшіе для своей обработки болѣе или менѣе постояннаго труда. Въ силу ученія „объ оживленіи мертвой природы“ такіе участки становились собственностью того двора, который занимался ихъ обработкой, какъ это ясно видно между прочимъ изъ рѣшенія кадіаскерскаго суда 1719 г., гдѣ сказано, что работой устанавливается право владѣнія¹⁾. На этомъ основаніи загороженные мѣста составляли подворную собственность. Не смотря на это община однако сохранила право номинальнаго обладанія этою собственностью. Это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ кадіаскерскихъ рѣшеніяхъ загороженные участки, расположенные на общинной землѣ, названы принадлежащими *джемаату*, а не отдѣльному двору или какому-либо общиннику; напр. въ числѣ урочищъ, ограничивающихъ землю, оспариваемую Челебилеркойскимъ эхали у Ягъи Челеби показаны, какъ западная граница, „*таши-корм*“ (загороженные мѣста), принадлежащія эхали дер. Челебилеркой²⁾.

Но кромѣ этой мелкой собственности въ предѣлахъ общинной земли образовалась современемъ болѣе крупная поземельная собственность. Право захвата, находя для себя санкцію въ ученіи шеріата объ оживленіи мертвой природы, было причиною того, что въ нѣкоторыхъ общинахъ извѣстный участокъ земли, а тамъ, гдѣ пахоть была раздѣлена на пай, извѣстный пай или нѣсколько паевъ такой земли, стали предметомъ частнаго владѣнія. Обработывая ихъ изъ года въ годъ, общинникъ начиналъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою вещь, а потомъ сталъ распоряжаться ими т. е. да-

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ судейское рѣшеніе подѣ № 115.

²⁾ Моя „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“, 20 стр.

рить, завѣщать, продавать и т. д. Такимъ путемъ въ предѣлахъ общинной земли возникла частная собственность. Изъ числа указанныхъ нами 56 общинъ мы нашли участки земли, вышедшіе изъ фактическаго владѣнія джемаата, только при четырехъ деревняхъ, а именно Бешевли, Аликечь, Башъ-Вейратъ и Ась. Такъ въ имущественномъ раздѣлѣ, составленномъ въ 1674 г. послѣ смерти Кайтазъ-аги, мы находимъ 40 *зановъ хлѣбопахотной земли* при дер. Бешевли, перешедшей по наслѣдству и ставшей, такимъ образомъ, предметомъ частнаго владѣнія¹⁾. Далѣе, при д. Ась, имѣвшей сначала общинную землю, образовалась къ концу XVII вѣка частная собственность, принадлежавшая, какъ видно изъ имущественнаго раздѣла 1681 г., нѣкому Ахметъ-агѣ и оцѣненная въ 22½ гуруша²⁾. Потомъ, при дер. Аликечь, имѣвшей также общинную землю, *четвертая часть хлѣбопахотныхъ земель* въ 1723 г. перешла по наслѣдству послѣ смерти Муртазы бея какъ частная собственность³⁾. Наконецъ въ имущественномъ раздѣлѣ 1772 года въ числѣ имущества, подлежащаго наслѣдованію послѣ смерти Ислямъ-аги Салгирскаго, мы находимъ *пять павъ хлѣбопахотной земли* при дер. Башъ-Вейратъ⁴⁾.

Хотя примѣровъ существованія частной собственности въ предѣлахъ общинной земли сравнительно немного, однако фактъ тотъ, что, благодаря захвату и обработкѣ, извѣстные участки общинной земли становились частною собственностью.

Мало того, джемаату, какъ видно изъ нашихъ документовъ, приходилось бороться и отстаивать свое существованіе отъ посягательствъ частныхъ владѣльцевъ. Эта борьба, свидѣтельствуя съ одной стороны о силѣ общинныхъ интересовъ, съ другой обнаружила слабость и неразвитость джемаата и въ тоже время привела къ формальному утвержденію частнаго владѣнія въ предѣлахъ общинной территоріи. Дѣло въ томъ, что въ столкновеніяхъ джемаата съ частными владѣльцами преимущество оставалось за послѣдними. Изъ десяти извѣстныхъ намъ случаевъ подобныхъ столкновеній въ пяти джемаатъ потерпѣлъ поражение и тѣмъ далъ возможность противнику путемъ суда укрѣпить за собою произведенный имъ захватъ общинной земли. Таковы дѣла, разбиравшіяся въ кадіаскерскомъ судѣ и рѣшенія въ пользу частныхъ владѣльцевъ: 1) джемаата д. Шури съ Агметъ-агой (1655 г.)⁵⁾, 2)—дер. Башъ-Ойратъ съ Шагинъ-беємъ (1680 г.)⁶⁾, 3)—д. Челебидеркой

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ имущественный раздѣлъ подъ № 117.

²⁾ Ibid., имущественный раздѣлъ подъ № 118.

³⁾ Ibid., имущественный раздѣлъ подъ № 125.

⁴⁾ Ibid., имущественный раздѣлъ подъ № 126.

⁵⁾ Ibid., судейское рѣшеніе подъ № 87.

⁶⁾ Судейское рѣшеніе въ моей „Сельской Общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ“, 18 и 19 стр.

съ Ягья Челебіемъ (1682 г.)¹⁾; 4) — д. Мамашай съ Шахъ-Базъ мурзой и Уресъ мурзой (1689 г.)²⁾ и 5) — д. Бора съ Ильясъ мурзой (1704 г.)³⁾. Разбирая эти дѣла мы видимъ, что они проиграны джемаатами по причинамъ общаго характера, а не потому, что они неправильны будто по существу. Въ самомъ дѣлѣ, въ спорѣ джемаата дер. Шурп съ Агметъ-агой кадіаскеръ удовольствовался свидѣтельскими показаніями тѣхъ лицъ, которыхъ привелъ съ собой отвѣтчикъ и постановилъ рѣшеніе. Сдѣлалъ онъ такъ потому, что по шеріату *свидѣтельство* лицъ благонадежныхъ (*адиль*), (а такими были, конечно, признаны свидѣтели Агметъ-аги) считается однимъ изъ видовъ (*шагидъ*) судебного доказательства. Но вопросъ въ томъ, почему кадіаскеръ не спросилъ свидѣтелей со стороны джемаата? Конечно по имѣющимся въ кадіаскерскихъ книгахъ судебнымъ рѣшеніямъ мы не можемъ достовѣрно судить о томъ, насколько правильно рѣшилъ дѣло кадіаскеръ, такъ какъ въ рѣшеніи мы не имѣемъ подробнаго описанія того, что происходило на судѣ, а — лишь краткое изложеніе дѣла безъ указанія даже мотивовъ, почему оно такъ рѣшено. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что Агметъ-ага завладѣлъ участкомъ общиннаго выгона и „построивъ на немъ“, по выраженію истцовъ, „книшу, превратилъ его въ собственность“. Джемаатъ-же спохватился поздно, тогда, когда Агметъ-ага „работой установилъ“, по выраженію тѣхъ же кадіаскерскихъ книгъ, „право своего владѣнія“. Къ тому же, не имѣя крѣпостныхъ документовъ, не находя для себя точнаго опредѣленія въ шеріатѣ, джемаатъ въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какимъ былъ ага, какъ высшій чиновникъ, оказался вообще слабымъ и потерпѣлъ потому неудачу.

По причинѣ подобной же юридической неопредѣленности джемаата и документальной его, такъ сказать, необоснованности оказались безуспѣшными и попытки остальныхъ джемаатовъ вернуть захваченные у нихъ участки общинной земли. Такъ Челебилеркойскому эхали было отказано въ искѣ съ частнымъ владѣльцемъ Ягья Челеби, завладѣвшимъ участкомъ общинной земли, по той причинѣ, что свидѣтели отвѣтчика подтвердили давность владѣнія его, отвѣтчика. Такъ какъ въ шеріатѣ нѣтъ никакихъ указаній насчетъ давности владѣнія, то мы не беремся рѣшать правильно или неправильно было рѣшено это дѣло. Намъ желательно указать лишь, что при болѣе опредѣленномъ, юридическомъ положеніи джемаата, при существованіи болѣе ясныхъ границъ и извѣстныхъ правилъ пользованія вообще общинной землей,

¹⁾ Ibid., 20 стр.

²⁾ Ibid., 17 стр.

³⁾ См. въ „Сборникѣ“ судебское рѣшеніе подъ № 113.

при условіи бѣльшей энергіи и дѣятельности со стороны джемаата, рѣшенія, въ родѣ вышеуказаннаго, не могли бы имѣть мѣста. Точно также джемаату д. Бора было отказано въ искѣ его на мурзу Ильяса, начавшаго пахать общинный выгонъ и непозволявшаго пастн на немъ скоть. На допросѣ отвѣтчикъ объяснилъ, что спорная земля составляла собственность его прабабушки и что она сдѣлала ее ебнай-вакуфомъ въ пользу мужскаго потомства, и что, переходя къ старшему въ родѣ, эта земля досталась ему лѣтъ 20 тому назадъ. Свидѣтели, приведенные отвѣтчикомъ, подтвердили вышесказанное. Въ виду этого кадаскеръ отказалъ въ искѣ и присудилъ землю мурзѣ. Мы думаемъ, что рѣшеніе было бы совершенно другое, если бы джемаатъ могъ представить доказательство своего права владѣнія въ видѣ какого-либо документа.

Мы не станемъ приводить остальныхъ судебныхъ рѣшеній, возбужденныхъ общинами противъ частныхъ владѣльцевъ о захватѣ послѣдними общинной земли. Всѣ они оказались въ пользу частныхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе получаютъ съ этого времени законное право на захваченные ими участки земли въ предѣлахъ общинной территоріи. И подобно тому, какъ указанныя нами выше неудачи, постигшія джемаатъ въ борьбѣ съ частными владѣльцами, произошли отъ неустройства джемаата вообще, такъ и остальные неудачи зависѣли отъ той же общей причины. Дѣйствительно, какъ изъ указанныхъ выше дѣлъ, такъ равно изъ сдѣланныхъ нами раньше указаній о способѣ пользованія общинной землей, мы видимъ, что татарская община мало была организована; пользованіе землей, благодаря захвату, не было ничѣмъ урегулировано, вслѣдствіе чего не могла существовать какая-либо извѣстная система хозяйства. Далѣе, благодаря тому же захвату, въ связи съ ученіемъ объ „оживленіи мертвой природы“, и отсутствію въ шеріатѣ извѣстнаго законоположенія о джемаатѣ, общинная земля легко могла стать частною собственностью и становилась такою, не смотря на попытки джемаата удержать ее за собою. И мы видимъ, что только тѣ попытки увѣнчались успѣхомъ, которыя опирались на формальныя доказательства, имѣвшія значеніе для шеріатскаго суда. Такъ община д. Бахсанъ возстановила нарушенное Субханъ-Гази агой владѣніе, благодаря только тому, что представила въ доказательство своихъ правъ *мюлькъ-наме* т. е. крѣпостной актъ¹⁾. Общины девяти деревень: Кочкаръ-Аджи, Ботанай, Мехмедъ-Али бекъ, Диванъ-эли, Акъ-Шенхъ, Джегангиръ, Топчикой, Аджиной и Дуванкой выиграли дѣло съ мурзами: Ахмедомъ и Ягъей и 16-ю жителями д. Дуванкой относительно участка земли, находившагося въ общемъ владѣніи всѣхъ ихъ, восьми, въ

¹⁾ Судейское рѣшеніе въ моей „Сельской Общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ“, 15 и 16 стр.

силу *собственного признания* ответчиков¹⁾. Въ силу такого же признания жители дер. Джааферли возстановили нарушенное Баубекъ-агой право на землю и заставили его снести тѣ постройки, которыя были возведены на околицѣ деревни²⁾ и т. д. Однимъ словомъ для суда—шеріата, знакомаго болѣе съ поземельной формой *ерзъ-метруке* (земли, предназначенныя ко всеобщему пользованію), чѣмъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, нужны были безспорныя доказательства, для возстановленія нарушеннаго владѣнія джемаата, въ родѣ тѣхъ, какіе представила община д. Бахсанъ, или же необходимо было собственное признаніе нарушившаго владѣніе, что трудно было ожидать отъ тяжущагося; что же касается крѣпостныхъ документовъ, то джемааты вообще не имѣли таковыхъ.

Вообще владѣніе джемаата землей основывалось болѣе на обычай, было владѣніемъ по старинѣ, а потому не заключало въ себѣ ясныхъ юридическихъ опредѣленій и указаній, какія напр. существовали относительно вакуфа. Землевладѣніе джемаата выработалось, какъ мы видѣли, подъ воздѣйствіемъ главнымъ образомъ обычнаго права, и имъ же оно и регулировалось. Неудивительно поэтому если въ дальнѣйшей своей исторіи оно подверглось колебаніямъ, зависѣвшимъ отъ естественнаго хода вещей, и отозвавшихся въ концѣ концовъ неблагопріятными результатами на цѣлости общины. Вотъ почему она является во многихъ изъ нашихъ документовъ слабой и неорганизованной.

Но не смотря на свою невыработанность, джемааты, насколько возможно, отстаивали свой принципъ. Если изъ подъ дѣйствительнаго его владѣнія уходили въ частную собственность тѣ или другіе участки земли, то за то джемааты сохраняли надъ одними право *номинальнаго обладанія*, надъ другими же право *предпочтительной покупки* родичей и *сосѣдскаго выкупа*. Это послѣднее право извѣстно подъ тѣмъ же именемъ *шефаа*, подъ какимъ оно существуетъ нынѣ у Кабиловъ въ Алжирѣ, въ Индіи, у мусульманъ на островѣ Явъ; нѣкогда это право существовало и въ европейскихъ общинахъ. Что дѣйствительно *шефаа* существовало въ ханствѣ и составляло признанное шеріатомъ право на выкупъ родовой или сосѣдской части, доказывается заключающимися въ кадіаскерскихъ книгахъ примѣрами. Въ 1621 году Кути, жена жителя д. Урлюкъ Эвмера, была возвращена, въ силу указаннаго права, земля, купленная у одного изъ родственниковъ Кути жителемъ дер. Тобе Аметъ-Аджіемъ. Кути думала вернуть землю обычнымъ порядкомъ, и съ этою цѣлью заявила о томъ, что состоитъ шефіемъ проданной земли въ

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ судебское рѣшеніе подъ № 115.

²⁾ Ibid., судебское рѣшеніе подъ № 116.

первомъ меджлисъ (собраніи людей). Но Аметъ Аджи не возвратилъ земли, покада Кутти не обратилась къ суду шеріата, и тогда только получила землю обратно¹⁾. Въ силу же права шефаа житель г. Акмечетя Мегметъ добровольно отказался отъ купленныхъ имъ шести зановъ земли „изъ числа двухъ паевъ земли, находящейся при д. Башсызъ“ у жителя д. Аджиной Моллашъ-Софы. Узнавъ, что Аджи Ага заявилъ право на сосѣдскій выкупъ, Мегметъ отказался отъ земли и потребовалъ обратно деньги, послѣ чего земля была продана Аджи Агѣ²⁾. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ родового, а во второмъ сосѣдскаго выкупа. Изъ продажнаго же акта 1679 г. видно, что право шефаа лежало на землѣ, вслѣдствіе чего оно переходило вмѣстѣ съ ней отъ одного владѣльца къ другому, какъ напр. оно перешло отъ жителя д. Енибинъ Ботай-Одобаша къ Музафару вмѣстѣ съ проданными первымъ 22-ми паями хлѣбопахотной земли.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что въ татарской общинѣ существовало право шефаа. Это право имѣло большое значеніе потому, что общинные интересы, не смотря на возникновеніе частной собственности, были всетаки настолько сильны, что удержали за джемаатомъ право предпочтительной покупки и выкупа родовой или сосѣдской земли, по преимуществу—пахотной.

Съ общиннымъ землевладѣніемъ джемаатъ соединялъ и нѣкоторые виды коопераціи. Самымъ распространеннымъ видомъ этого сотрудничества было содержаніе одного своднаго стада овецъ, рогатаго скота или лошадей и состояло въ томъ, что всѣ члены джемаата содержали вмѣстѣ свой скотъ, пользуясь для этого общиннымъ выгономъ. Такія сводныя стада составляются и до настоящаго времени. Напр. въ Айсерезѣ 15—20 домохозяевъ составляютъ одну отару, приблизительно въ 1 т. овецъ. Такихъ отаръ составляетъ двѣ, и для обѣихъ община содержитъ нѣсколькихъ чебановъ⁴⁾.

Вторымъ видомъ коопераціи была т. н. *толока*, или общественная помощь, состоявшая въ томъ, что жители соединялись вмѣстѣ и помогали другъ другу во время сѣнокоса, жатвы, молотбы или другой какой-либо земледѣльской работы. Такую общественную помощь оказывали жители, какъ мы видѣли выше, не только своимъ членамъ, но даже владѣльцу-мурзѣ. И въ настоящее время въ нѣкоторыхъ общинахъ происходятъ земледѣльческія работы цѣлою артелью, напр., общественныя запашки въ Козахъ и

1) См. въ „Сборникѣ“ судейское рѣшеніе подъ № 80.

2) Ibid., худжетъ подъ № 73.

3) Ibid., худжетъ подъ № 78.

4) Моя „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“, 48 стр.

Туклукъ. Такая артель въ Козахъ состоитъ изъ четырехъ семействъ, а въ Туклукъ изъ трехъ, причемъ вся работа артели отъ начала до конца общая, а прибыль дѣлится поровну сообразно числу людей и рабочаго скота¹⁾.

Наконецъ жители общины усиліями рыли въ степной мѣстности Крыма, лишенной воды, колодець, безъ котораго общинный выгонъ не имѣлъ значенія, а въ горной—устроивали плотины и каналы для мельницы, и запруды для орошенія огородовъ. Но если въ послѣднихъ работахъ община не всегда чувствовала необходимость, то въ устройствѣ колодца въ степной мѣстности Крыма она была, можно сказать, всегда заинтересована, ибо по недостатку воды крайне затруднительно было бы пользоваться землей, въ особенности же для пастбища. Мало того, какъ видно изъ кадіаскерскихъ книгъ, колодець на общинномъ выгонѣ устраивался общими силами не одного джемаата, но двухъ и даже болѣе. Вотъ почему колодець на землѣ д. Джааби былъ признанъ общей собственностью джемаата не одной, а двухъ деревень²⁾.

Въ заключеніе о землевладѣніи джемаата въ крымскомъ ханствѣ, мы должны сказать, что въ степной части Крыма общинное землевладѣніе оказалось болѣе устойчивымъ, и болѣе однороднымъ, чѣмъ въ горной. Дѣло въ томъ, что въ первой физическія условія мѣстности менѣе благоприятствовали проявленію личнаго начала и не придавали землѣ той цѣнности, какую она имѣла въ горной части, гдѣ, вслѣдствіе незначительности площади удобной для обработки земли, послѣдняя имѣла особенную цѣнность, тѣмъ болѣе, что здѣсь-то и находились мѣста удобныя для разведенія садовъ, огородовъ и виноградниковъ. При такихъ условіяхъ въ горной общинѣ захватъ и „оживленіе“ находили для себя больше примѣненія, чѣмъ въ степной, гдѣ однообразіе физическихъ условій, въ особенности же рельефа, естественно приводило къ однообразію дѣятельности и вообще поддерживало существующій строй. Вслѣдствіе этого степная община оказалась болѣе цѣльной, болѣе типичной, чѣмъ горная. И дѣйствительно большинство общинъ, которыя отстаивали на судѣ свое право, вслѣдствіе захвата общинной земли, находились въ горной части Крыма. Конечно захватъ общинной земли имѣлъ мѣсто и въ степной части, но фактъ тотъ, что здѣсь онъ не встрѣчалъ тѣхъ благоприятныхъ условій, какія существовали въ горной части Крыма.

Отъ общиннаго землевладѣнія наши документы отличаютъ общее вла-

¹⁾ Ibid., 48 стр.

²⁾ См. въ „Сборникѣ“, судебское рѣшеніе подъ № 102.

дѣніе (condominium). Оно состоитъ въ томъ, что нѣсколько лицъ владѣютъ сообща извѣстной землей въ тѣхъ или другихъ доляхъ, при чемъ самое имѣніе остается нераздѣльнымъ. Такое товарищество, представляя изъ себя самостоятельную юридическую личность, само распоряжалось своимъ имуществомъ. Оно продавало его во всемъ его составѣ, какъ напр. была продана въ 1609 г. земля въ Караулъ-аркѣ, находившаяся въ общемъ владѣніи двухъ лицъ Эркуата и Кармыша, или въ извѣстныхъ частяхъ¹⁾. На существованіе такихъ частей указываетъ продажный актъ 1656 года, принадлежащій Атманай-беку. Свою землю онъ продалъ десяти лицамъ въ общее владѣніе такимъ образомъ, что первый изъ нихъ Достъ Гази купилъ на 15 золотыхъ, второй—Утевели на 10 золотыхъ, третій—Эльхасъ на 20 золотыхъ, четвертый Ташъ-Верды на 10 золотыхъ, далѣе Ислямъ-Гази на 10 золотыхъ, Шабанъ на 5, двое Бейрамъ-Гази на 10, Зюльфикаръ на 5 золотыхъ, Джантемиръ на 5 и наконецъ самъ продавецъ оставилъ за собою часть земли на 10 золотыхъ²⁾.

Кромѣ того товарищество пользовалось правомъ иска и защиты на судѣ. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующіе примѣры. Въ 1612 г. Сеферъ Халифе и Муратъ возбудили дѣло о незаконной продажѣ Коймеромъ принадлежащей имъ въ общемъ владѣніи земли Аджи-Садыкъ-агѣ³⁾. Разслѣдовавъ дѣло, кадіаскерь обязалъ покупателя уплачивать пѣтцамъ доходы съ купленной имъ земли. Въ 1670 г. житель д. Бораганъ Абдулла-Эфенди и двоюродные его братья Абдуль-Азисъ, Абдуль-Кадыръ и Эбульхайръ обратились къ суду, съ цѣлью узаконить состоявшееся между ними мирное соглашеніе (мусаалеа) относительно общности нѣкоторыхъ имѣній⁴⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ общее владѣніе имѣло широкое примѣненіе среди лицъ, связанныхъ между собою родственными узами. Вотъ почему весьма часто земля наследуется родственниками сообща, нераздѣльно. Это доказывается также раздѣльными актами, въ которыхъ поземельная собственность нерѣдко остается въ общемъ владѣніи наследниковъ. Такъ изъ раздѣла 1717 года видно, что земля и садъ при Сарабузѣ, оставшіеся послѣ смерти Аджи Али аги, были унаслѣдованы нераздѣльно тремя сыновьями покойнаго⁵⁾. Въ такомъ же общемъ нераздѣльномъ владѣніи были оставлены по раздѣлу 1718 г. земли, принадлежавшія умершему Муратчи-

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ худжетъ подъ № 64.

²⁾ Ibid., худжетъ подъ № 71.

³⁾ Ibid., судейское рѣшеніе подъ № 80.

⁴⁾ Ibid., судейское рѣшеніе подъ № 100.

⁵⁾ Ibid., раздѣльный актъ подъ № 120.

мурзѣ и находившіяся въ урочищѣ Чинравѣ¹⁾). По раздѣлу 1708 г. земли, принадлежавшія Мустафѣ агѣ, оставлены также въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи²⁾ и т. д. Однимъ словомъ, имѣнія, переходившія по наслѣдству, весьма часто находились въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи родственниковъ.

Что касается формъ пользованія землей, бывшей въ общемъ владѣніи, то опредѣленныхъ формъ пользованія не существовало. Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ наиболѣе распространенной формой былъ тотъ-же первобытный захватъ, который имѣлъ широкое примѣненіе по отношенію къ общинной собственности вообще.

VII.

Вакуфное землевладѣніе: а) *Духовный вакуфъ* (вакфъ-шеръ); сущность его; число духовныхъ вакуфовъ въ Крыму. б) *Частный вакуфъ* (вакфъ-адеть); эбнай-вакуфъ; эвхадъ-вакуфъ; эбнай-вакуфъ біюктень-біюкъ. Число частныхъ вакуфовъ въ Крыму. Отношеніе шеріата къ частному вакуфу. Смѣшанный вакуфъ.

Особую форму землевладѣнія въ Крымскомъ ханствѣ составляло землевладѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ шеріатскаго ученія о вакуфѣ, какъ ученія о посвященіи вещей Богу, Творцу всего существующаго. Выше мы показали, въ чемъ заключалось это ученіе. Теперь намъ необходимо указать, какъ осуществилось на практикѣ это ученіе и въ какихъ формахъ проявилось на дѣлѣ вакуфное землевладѣніе.

Сначала займемся тѣмъ видомъ вакуфнаго землевладѣнія, который развился подъ непосредственнымъ вліяніемъ шеріатскаго ученія о посвященіи вещей Богу и составляетъ такъ называемый духовный вакуфъ или вакфъ-шеръ, въ отличіе отъ вакуфа, развившагося подъ вліяніемъ обычнаго права и потому называемаго вакфъ-адеть.

Переходя къ разсмотрѣнію перваго вида вакуфнаго землевладѣнія, мы находимъ, что духовный вакуфъ составлялъ такого рода землевладѣніе, доходы съ котораго поступали на содержаніе мечети, текіа (монастыри), мектебе (училища), медресе (семинаріи), богадѣльни или какого-либо другого благотворительнаго учрежденія. Были вакуфы даже на сооруженіе и исправленіе фонтановъ, о чемъ встрѣтилось намъ указаніе въ кадіаскерскихъ книгахъ, гдѣ найдена запись объ учрежденіи ханомъ вакуфа на содержаніе въ

¹⁾ См. въ „Сборникѣ“ раздѣльный актъ подъ № 121.

²⁾ Ibid., раздѣльный актъ подъ № 123.

исправности построеннаго имъ фонтана. Такимъ образомъ, право пользова-
нія вакуфомъ принадлежало тому учрежденію, въ пользу котораго онъ за-
вѣщанъ. Что же касается права собственности, то вакуфъ никому не могъ
принадлежать въ собственность, ибо самымъ фактомъ установленія вакуфа
право собственности на него иммобилизуется, и самый объектъ вакуфа „воз-
вращается“, говоря словами наиболѣе компетентныхъ ханефитскихъ юри-
стовъ Эбу-Юсуфа и Мухаммеда, „Богу, какъ Творцу и Обладателю всего
существующаго“. Съ этой точки зрѣнія идеальнымъ собственникомъ вакуфа
является Богъ, Который какъ бы отъ себя уже отдаетъ вакуфъ въ пользо-
ваніе того или другого богоугоднаго учрежденія.

Духовныхъ вакуфовъ было много въ Крымскомъ ханствѣ. Почти каж-
дый ханъ оставлялъ послѣ себя вакуфъ въ пользу того или другого богоу-
годнаго учрежденія. Въ кадіаскерскихъ книгахъ мы встрѣтили множество
завѣщательныхъ актовъ объ учрежденіи духовныхъ вакуфовъ. Большинство
этихъ актовъ принадлежитъ Гиреямъ; за ними слѣдуютъ завѣщательные
акты мурзъ, и наконецъ мелкихъ собственниковъ. Судя по названіямъ мѣ-
стностей, упоминаемыхъ въ актахъ, наибольшее число вакуфовъ находилось
въ нынѣшнихъ уѣздахъ Симферопольскомъ и Ялтинскомъ. Благодаря этимъ
завѣщаніямъ, въ ханствѣ образовался громадный фондъ вакуфныхъ земель.

Чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ этого фонда, приведемъ
позднѣйшія указанія, а именно указанія о числѣ духовныхъ вакуфовъ, чис-
лящихся нынѣ въ Крыму. По свѣдѣніямъ Высочайше учрежденной особой
Коммиссіи о вакуфахъ, въ 1893 году состояло въ Евпаторійскомъ уѣздѣ 215
вакуфовъ пространствомъ 39,126 дес., въ Симферопольскомъ уѣздѣ 1247 ва-
куфовъ пространствомъ 10,576 дес., въ Ялтинскомъ — 1111 вакуфовъ простран-
ствомъ 889 дес., въ Феодосійскомъ 509 вакуфовъ пространствомъ 13,600 дес.
и 159 въ Перекопскомъ пространствомъ 23,452 дес., а всего 3241 вакуфъ
пространствомъ 87,643 дес.¹⁾ Но такъ какъ многіе вакуфы, существовавшіе
въ Крыму при ханахъ, перешли послѣ присоединенія Крыма къ Россіи
въ частныя руки, почему общее число ихъ значительно уменьшилось противъ
прежняго, то показанное здѣсь число вакуфовъ должно быть по крайней
мѣрѣ удвоено, чтобы судить о числѣ ихъ въ періодъ, предшествовавшій при-
соединенію Крыма къ Россіи. Для наблюденія за сохранностью и цѣлостью
вакуфовъ существовалъ въ ханствѣ особый надзоръ, порученный т. н. муте-
велліямъ или надзирателямъ вакуфовъ, которые были подвѣдомственны хан-
скому казнадару.

¹⁾ Вѣдомости духовнымъ въ Крыму вакуфамъ, составл. Высочайше уч-
режденною Особою Коммиссіею о вакуфахъ въ 1893 году, 294 стр. Симф. 1893 г.